

Переписка В. В. Набокова с В. М. Зензиновым*

*Вступительная статья, публикация
и комментарии Г. Глушанок*

«ДОРОГОЙ И МИЛЫЙ ОДИССЕЙ...»

В пятидесяти трех корреспонденциях соединились два, казалось бы, несовместимых имени — Владимира Владимировича Набокова, сына В. Д. Набокова, представителя петербургской аристократии, стоявшего у начала кадетской партии, и профессионального революционера, члена Боевой организации, знаменитого эсера — Владимира Михайловича Зензинова (29 ноября 1880, Москва — 20 октября 1953, Нью-Йорк).

Переписка охватывает 11-летний «американский» период их жизни: с 1941 по 1952 гг., почти до смерти Зензинова. Несмотря на растянутость во времени и явные лакуны¹, она производит впечатление непрекращающегося диалога близких людей: «...страшно жалею, что так мало и редко доводится Вас видеть — но всегда о Вас помню, люблю, держу в красном углу души...», — писал Набоков Зензинову. В письмах — трагические отзвуки Второй мировой войны: гибель в концентрационном лагере под Гамбургом родного брата Набокова — Сергея; гибель их друга, всеобщего любимца — Ильи Фондаминского, беспокойство семьи Набоковых об оставшейся в оккупированной Франции двоюродной сестре Веры Евсеевны Набоковой — Анне Лазаревне Фейгин и послевоенные события — личные и общественные.

В год рождения Набокова гимназист 8-го класса, 18-летний Володя Зензинов был вызван в Охранное отделение г. Москвы вместе с отцом для собеседования; а весной, накануне письмен-

* Впервые: Наше наследие. М., 2000. № 53. С. 76—115.

¹ Полностью переписка В. В. Набокова с В. М. Зензиновым, включая письма 1930-х годов, готовится к публикации отдельным изданием.

ногого экзамена по русскому языку, он удостоился обыска: был составлен протокол и обращено внимание родителей на «тенденциозный подбор книг». «Я не скрывал от семьи своих политических убеждений, и мои родители знали, что я расту революционером, — напишет Зензинов 50 лет спустя. — К этому они относились вполне терпимо, сами совершенно не интересуясь политикой»².

Первая, доэмигрантская часть жизни Зензинова напоминает авантюрный роман: он вступает в партию эсеров еще в пору учебы в университетах Берлина, Галле и Гейдельберга в 1899—1904 гг. (За десять лет до Зензинова в Германии, преимущественно в Галле, совершенствовал свое образование после Петербургского университета В. Д. Набоков.) Сразу же по окончании университета Зензинов получает «ответственное партийное поручение» — доставить из-за границы в Боевую организацию партии эсеров в Петербурге письмо ЦК партии с распоряжением об убийстве министра внутренних дел В. К. Плеве. В России он ведет подпольную работу: печатает на гектографе и распространяет листовки, организует тайную типографию. В ночь на 9 января 1905 г. — первый арест, 6 месяцев пребывания в Таганской тюрьме; административная ссылка в Сибирь на пять лет была заменена ссылкой в Архангельскую губернию, откуда Зензинов бежал в день прибытия. В августе 1905 г. он в Женеве — центре социал-демократического движения³. Здесь он прошел три школы революционной подготовки: паспортное дело, типографскую технику и практику

² Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 60—63.

³ Набоков отправит в Женеву Константина Кирилловича Годунова-Чердынцева, отца главного героя романа «Дар», на свидание с тремя знаменитыми европейскими учеными-энтомологами в августе 1915 г., в разгар Первой мировой войны, причем «поездку свою он так законспирировал, что ему мог бы позавидовать любой путешествующий террорист...» (Набоков В. Дар // Набоков В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 4. С. 312). Другой персонаж «Дара» — Горянинов — в разговоре с Федором Константиновичем, «прищурившись», сказал: "...Недавно скончался социал-демократ Беленький, — вечный, так сказать, эмигрант: его выслали и царь, и пролетариат, так что, когда он, бывало, предавался реминисценциям, то начинал так: "У нас в Женеве...". — Может быть, о нем вы тоже напишете?"» (Там же. С. 379). В четвертой главе «Дара» Годунов-Чердынцев пишет, что «на их суде <каракозовцев> выяснилось, что ему <Чернышевскому хотели дать возможность бежать и возглавить революционное движение — или хотя бы издавать в Женеве журнал...» (Там же. С. 458).

изготовления бомб в специально созданной динамитной мастерской. Манифест 17 октября 1905 г., объявлявший свободы и амнистию, возвращает Зензинова в Россию. В январе 1906 г. он вступает в Боевую организацию.

О террористах семья Набоковых имела представления самые непосредственные. Дед писателя, Дмитрий Николаевич Набоков, министр юстиции в царствование Александра II, находился 1 марта 1881 г. у постели окровавленного императора, умиравшего в агонии после взрыва бомбы на Екатерининском канале. Это было седьмое покушение.

В семейные предания вошла история, рассказанная Набоковым в мемуарах⁴. Брат отца — дипломат Константин Дмитриевич Набоков, 17 февраля 1905 г. случайно избежал фатального «rendez-vous» с каляевской бомбой. Он отклонил предложение великого князя Сергея Александровича покататься в его карете за несколько минут до того, как московский генерал-губернатор был убит. (Взрыв, уничтоживший великого князя, Зензинов слышал, стоя у окна камеры Таганской тюрьмы.)

«...Признаюсь, я в детстве любил этих мрачных бородачей, бросающих бомбы в тройку жестокого наместника»⁵, — говорит Дарвин, персонаж романа «Подвиг». К 1932 г., когда этот роман был написан, Набоков уже познакомился с прототипом «мрачного бородача».

Зензинов не метал бомбы, хотя и участвовал в подготовке нескольких неудачных покушений: на адмирала Чухнина в Одессе, на генерала Мина и полковника Римана в Петербурге. В своей мемуарной книге Набоков вспомнит сквер на Исаакиевской площади, где «однажды нашли в листве липы ухо и пальц террориста, павшего при неряшливой перепаковке смертоносного свертка в комнате на другой стороне площади»⁶. В 1908 г. партия эсеров была скомпрометирована делом провокатора Азефа. Громкий и многоэтапный процесс разоблачения с привлечением в свидетели крупных чинов Департамента полиции закончился в Париже. В ночь на 24 декабря 1908 г. Азефу было дано 12 часов для «доказательств своей невиновности». Зензинов, поставленный в эту последнюю ночь для наблюдения за его освещенным окном, под утро ушел домой. На рассвете Азеф, тайно выбравшись из дома, уехал в Кёльн... (В марте 1917 г. Зензинов, разбирая архив Департамента

⁴ Набоков В. Память, говори // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. СПб., 1997—1999. Т. 5. С. 361—362.

⁵ Набоков В. Подвиг // Набоков В. Собр. соч. русского периода. Т. 3. С. 245.

⁶ Набоков В. Память, говори. С. 474.

полиции, будет читать «Досье Евно Азефа», в котором найдет и донесения о себе.) 1908 год стал гранью, отделившей юность от зрелости: «Мы как бы потеряли право на наивность, каждый из нас теперь был вынужден пересмотреть свои отношения к людям, в особенности к самым близким... После разоблачения Азефа и всего пережитого в связи с этим мы были и сами уже другими — исчезла наивная доверчивость к людям, остыла любовь — холодными остановившимися глазами смотрела теперь на нас суровая, часто безжалостная жизнь»⁷.

История эта переросла партийные рамки и стала темой не только полицейских донесений, но и мемуаров, романов и даже, гораздо позже, пьесы «Азеф» по роману Р. Гуля⁸, поставленной «Русским театром» в Париже в 1936 г. Зензинов был выведен под собственной фамилией. Ему была дана уникальная возможность заглянуть в свое прошлое, полное революционной романтики.

Не обошел этот сюжет и Набоков. В своем последнем романе «Смотри на арлекинов!» он дает сатирическое и даже гротескное изображение «штаб-квартиры антидеспотических организаций» и лиц, ее основавших — русского космополита Дмитрия де Мидова и его друга — С. И. Степанова: «Последний любил вспоминать о языке знаков, бывшем в ходу у старомодных бунтовщиков: полуутверденная штора и алебастровая ваза в оконщике гостиной указывали ожидающему из России гостю, что путь открыт. В те годы революционную интригу украшал налет артистизма. Мидов умер вскорости после Первой мировой, к тому времени и партия террористов, в которой состояли эти уютные люди, лишилась, по словам самого Степанова, “стилистической притягательности”. Следующий владелец дома — Осип Львович Оксман — рассказывает герою романа, как он и сестра «лет тридцать пять назад в Петербурге состояли в одной студенческой организации. Готовили покушение на премьера. Как это все далеко! Требовалось точно выяснить его ежедневный маршрут, я был в числе наблюдателей. Каждый день стоял на определенном углу, изображая мороженщика. Представляете? Ничего из нашей затеи не вышло. Все карты спутал Азеф, знаменитый двойной агент»⁹.

⁷ Зензинов В. М. Пережитое. С. 414.

⁸ См. об этом: Гуль Р. Я унес Россию. Россия во Франции. Нью-Йорк, 1984. Т. 2. С. 100—105.

⁹ Набоков В. Смотри на арлекинов! // Набоков В. Собр. соч. американского периода. Т. 5. С. 177—178; 180.

Разгон 1-й Государственной Думы 9 июля 1906 г. приводит Зензинова в Петербург. В сентябре 1906 г. — опять арест: приговорен к административной ссылке в Восточную Сибирь на пять лет. Летом 1907 г. с партией других арестованных он прибыл в Якутск, откуда под видом золотопромышленника бежал через тайгу в Охотск, из Охотска на японской рыбачьей шхуне добрался до Японии, а затем на пароходе через экзотические страны — Шанхай, Гонконг, Сингапур, Коломбо и Суэцкий канал — вернулся в 1907 г. в Европу. В мае 1910 г. Зензинов арестован в третий раз — в Петербурге и после 6-месячного заключения в Петропавловской крепости вновь отправлен на пять лет в Якутскую область — в края, откуда никакой побег был невозможен: на побережье Ледовитого океана, в устье реки Индигирки.

Годы, проведенные им на Крайнем Севере, прошли в трудах: в занятиях этнографией и орнитологией. Природная стойкость северянина — предки Зензинова были из Вологды — помогла ему выдержать испытание. И именно здесь он становится писателем. На экземпляре книги «Русское устье», изданной Зензиновым в Берлине, — надпись Бунина: «Прочитал с большим удовольствием. Благодарю, обнимаю. Ив. Бунин»¹⁰.

Пик российской истории — 1917 г. — застает Зензинова в том же Петербурге. Его поздняя хроника Февральской революции — ценнейший исторический документ¹¹. С Февраля и на всю жизнь завязывается его дружба с А. Ф. Керенским. О роковой роли Керенского в истории русской революции написал в апреле 1918 г. В. Д. Набоков, находившийся в должности управляющего делами Временного правительства; он горестно констатировал, что «бездарная, бессознательная, бунтарская стихия случайно вознесла на неподходящую высоту недостаточно сильную личность»¹². Сравнительную характе-

¹⁰ Зензинов В. М. Русское устье (Из дневника ссыльного). Берлин, 1921. Экземпляр книги с автографом И. Бунина хранится в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете Нью-Йорка (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York (Бахметевский архив, в дальнейшем — BAR)): Zenzinov Papers. Box 45.

¹¹ Зензинов В. М. Февральские дни // Новый журнал. 1953. № 34—35.

¹² Набоков В. Д. Временное правительство и большевистский переворот // Архив русской революции / Под ред. И. В. Гессена. Берлин, 1921. Т. 1. С. 37.

ристику «пламенного» Керенского и своего отца с его «sang-froid¹³ и отсутствием жестикуляции¹⁴» Набоков отдает одному из своих персонажей, соединив мемуарные свидетельства современников, рассказы Зензинова и личные впечатления.

После Октябрьского переворота, с лета 1918 г., Зензинов на Волге: он член комитета Учредительного собрания в Самаре; в сентябре 1918 г. на Государственном Совещании в Уфе избран во Всероссийское временное правительство. В ноябре 1918 г. после военного переворота в Омске был вместе со своими коллегами по недавнему правительству выслан адмиралом Колчаком из Сибири в Китай.

«...за свою долгую политическую карьеру с 1905 по 1918-й я прошел всего через 16 тюрем (всего в тюрьмах провел около трех лет моей жизни — сущая безделица по сравнению с нынешним опытом огромного большинства заключенных в большевистских тюрьмах...)»¹⁵, — напишет Зензинов незадолго до смерти.

* * *

27 мая 1919 г. началась вынужденная эмиграция семьи Набоковых. Осенью этого года 20-летний Владимир становится студентом Тринити-колледж в Кембридже, который заканчивает с отличием в 1922 г. В последующие годы он живет в Берлине, куда переехали его родители.

Почти 40-летним приступит ко второму этапу своей жизни — эмиграции — Владимир Михайлович Зензинов. В 1919 г. он через Америку приезжает в Париж, где уже ждали его друзья юности: Илья Исидорович Фондаминский и его жена Амалия Осиповна, которую Зензинов не переставал любить всю жизнь. Вместе с А. Ф. Керенским он сотрудничает в газете «Дни» (сначала в Берлине, потом — в Париже), вместе с друзьями по партии эсеров участвует в издании журнала «Современные записки». В 1921 г. в седьмом номере журнала были напечатаны два стихотворения за подписью «В. Сирин»¹⁶.

¹³ Хладнокровие (*франц.*).

¹⁴ Набоков В. Смотри на арлекинов! С. 182.

¹⁵ Зензинов В. М. Пережитое. С. 145—146.

¹⁶ «Пока в тумане странных дней...»; «Давно — по набережной снежной...» // Современные записки. 1921. № 7. С 1929 г. Набоков последовательно печатал в «Современных записках» все свои большие романы.

За американскими письмами сороковых годов глубоко спрятаны парижские отношения тридцатых. Знакомство Набокова с Зензиновым началось с того дня, когда он, по приглашению Фондаминского, став автором «Современных записок», приехал из Берлина в Париж на выступления, организованные Фондаминским и Зензиновым в цикле вечеров журнала. «Рядом с оживленным, импульсивным Бунаковым на вечерах этих неизменно маячила высокая складная фигура близкого друга его В. М. Зензинова, — вспоминал И. В. Гессен. — Всегда спокойный, сосредоточенно серьезный, со скупой тихой речью, с пробивающейся будто через силу улыбкой, — под этой внешностью он скрывал проникновенную мягкость и искреннюю доброту. И как трудно было сочетать с этими двумя друзьями, ревнителями “малых дел” представление о политическом терроре, активными деятелями которого они долгие годы состояли. Какими душевными силами нужно было обладать, чтобы при такой природной нежности и мягкости заставлять руку, во имя так называемого общественного долга, стрелять и метать бомбы...»¹⁷

Даже нашумевшая история с изъятием четвертой главы из романа «Дар»¹⁸ («Жизнеописание Чернышевского»), пройдя через весьма эмоциональную переписку с В. В. Рудневым¹⁹, не задела его отношений с Фондаминским и Зензиновым. В письме от 2 мая 1944 г. Набоков просит Зензинова помочь в напечатании «Дара» отдельным изданием: «...и, хотя я знаю, что Вы не одобряете одной из его главок, уверен, что это не помешает Вам пособить...» В ответном письме Зензинов не удерживается от шутливого замечания в связи с предполагаемым выступлением Набокова в Нью-Йорке: «Все указывают на то, чтобы Ваши выступления — в двух частях — были как можно разнообразнее и небольшими кусками. Вдруг Вы закатите “Дар” на 50 минут! Публику надо жалеть...»

* * *

23 августа 1939 г. был подписан пакт Молотова—Риббентропа.

3 сентября Франция и Великобритания вступили в войну с Германией.

¹⁷ Гессен И. В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 257—258.

¹⁸ См. примеч. 1 к письму 7.

¹⁹ См. письма В. В. Набокова к В. В. Рудневу: Из архива В. В. Набокова / Публ. В. Аллоя // Минувшее. 1989. Вып. 8. С. 274—281.

3 ноября СССР объявил войну Финляндии.

Эти три даты 1939 г. определили атмосферу русского Парижа.

«...сталинское правительство, не имеющее никакого права говорить от имени русского народа, проливает с благословения Гитлера русскую и финскую кровь», — говорилось в протесте, опубликованном в газете Милюкова²⁰. Протест был подписан Алдановым, Буниным, Зайцевым, Бердяевым, Рахманиновым, Гиппиус, Мережковским, Тэффи, Ремизовым и Сириным.

Главный герой романа Набокова «Подвиг» Мартын Эдельвейс — эмигрант. Романский двойник автора, не захотевший расстаться со своей юностью, после окончания Кембриджа решается на посещение России-Зоорландии. Он нелегально переходит границу.

20 января 1940 г. Зензинов с журналистскими удостоверениями нескольких парижских газет и полугодовой финской визой выехал из Франции²¹. 28 января он прибыл в Хельсинки. На другой день с тремя журналистами он едет в лагерь для военнопленных под Выборгом, в середине февраля 1940 г. навещает пленного советского летчика в провинциальной финской больнице, а 6 марта журналистскую группу в девять человек везут в Сортавалу на Ладожском озере, на место недавнего жестокого боя, где была окружена и погибла одна из частей советского 34-го танкового дивизиона. Апокалиптическая картина, открывшаяся Зензинову на занесенном снегом поле боя, была его «Встреча с Россией». Так впоследствии назовет он свою книгу,

²⁰ Последние новости. 1939. 31 дек. С. 2.

²¹ См. записи в дневнике Н. П. Вакара: 21 января 1940 г.: «В. М. Зензинов уехал в Финляндию “корреспондентом” “Новой России” и нашим <газета “Последние новости”. — Г. Г. . Деньги нашел ему волшебник Фондаминский, а визу устроила Е. Д. Кускова. Она хороша с Holsti, который в Женеве. Тот позвонил в Париж, и Зензинову не только выдали немедленно визу на шесть месяцев, но и от себя финны помогли получить транзитные, бельгийскую и шведскую. Будет беседовать с пленными. Но я не хотел бы быть в его шкуре». 22 марта 1940 г.: «Тем временем Зензинов приспал телеграмму из Гельсингфорса, требуя от Керенского и Милюкова выступить с публичным протестом против “Московского мира”. Милюков ответил отказом. Керенский сочинил протест и передал в агентство Havas для распубликования. Однако не видно, чтобы где-нибудь он был напечатан» (Вакар Н. П. Дневник // Минувшее. 1998. Вып. 24. С. 615—619). Газета «Новое русское слово», публикующая беседу с Зензиновым, сообщала, что «В. М. Зензинов поехал в Финляндию в качестве корреспондента большой парижской газеты “Пти Паризье”». См.: О совето-финской войне (Беседа с Зензиновым) // Новое русское слово. 1940. 9, 10, 29 марта; 10, 14, 15 ноября.

состоящую из 277 писем советских людей, частично подобранных тут же, на снегу, частично дополненных другими — из финских трофеев²². Всего им было просмотрено 542 письма²³.

Даже пролежав 60 лет на архивном хранении в другой части света, письма волнуют своей «документальностью»: они написаны на тетрадных листках, на бумаге старых конторских книг, да и просто на оберточной бумаге; в самодельных, склеенных от руки конвертах с разными штемпелями — со всей страны. Грязные, мятые листы с расползшимися от сырости строчками, но уцелевшие в смертельном бою в отличие от своих адресатов... «Перевел для дорогого Зензинова партию писем, которую он отобрал у трупов русских солдат. Ему показали снежное поле сражения. Тысяча убитых, с розовыми на морозе лицами, сидели и лежали в непринужденных позах. Письма очень замечательные, и, кажется, ему удастся их опубликовать», — сообщал Набоков М. М. Карповичу осенью 1940 г., уже по приезде Зензинова в Америку²⁴. Опубликовать письма было непросто. 6 апреля 1940 г., еще в Хельсинки, когда материал вчерне был просмотрен и расклассифицирован, Зензинов обратился к финским властям с предложением о публикации:

«В ГЛАВНУЮ КВАРТИРУ

Честь имею обратиться в Главную квартиру со следующим.

За время моего почти трехмесячного пребывания в Финляндии в качестве корреспондента французских газет — *Le Petit Parisien*, *Le Temps*, мне удалось собрать на нескольких фронтах (Суомусальми, Леметти, Кухно) некоторое количество подобранных в снегу, около трупов красноармейцев, писем — как полученных ими от родных из России, так и неотправленных еще с фронта домой, также записных книжек и дневников. Письма эти представляют огромный интерес, как настоящие человеческие документы, свидетельствующие о подлинных настроениях и переживаниях как семей этих находившихся на фронтах красноармейцев, так и самих солдат Красной армии. Они все наглядно свидетельствуют о том, что как настроения родных находившихся на фронтах красноар-

²² Зензинов В. Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию. 1939—1940. Нью-Йорк, 1944 [1945].

²³ Фотостаты с писем хранятся в New York Public Library. Подлинники писем — BAR. Zenzinov papers. Box 4—9.

²⁴ В. Набоков — М. Карповичу. 1940 г. (без даты) (BAR. Karpovich Papers. Box 2). См. рец. М. Карповича на книгу Зензинова: *Zenzinov V. Vstrecha s Rossiei // The American Slavic and East European Review*. 1946. Vol. V. P. 237—239.

мейцев, так и самих этих солдат, резко расходились с той официальной и лживой пропагандой, которой занималась советская власть, коммунисты, политруки. Авторы писем, посыпаемых из России, выражали лишь одно беспокойство за судьбу ушедших на фронт родных, проклинали войну и жаловались на трудные и порой совершенно невыносимые условия своей жизни. Красноармейцы, в свою очередь, писали об ужасных боях, в которых принимали участие, а в интимных дневниках, которые писали только для себя, выражали недоумение по поводу того, из-за чего началась война с Финляндией, и резкое недовольство теми порядками, которые сложились на фронте.

Часть этих писем и дневников, как, конечно, известно Главной квартире, была опубликована в европейских газетах и обошла, можно сказать без преувеличения — всю мировую прессу, вызвав к себе огромный интерес и горячее сочувствие к Финляндии. Мне также удалось опубликовать кое-что из этого материала во французских и английских газетах — и этот материал также вызвал большой интерес к себе, а одна моя статья была даже передана, как я это недавно узнал, по парижскому радио.

Мне представляется в высокой мере интересным и полезным издание сборника таких писем...»²⁵

Видимо, Главная квартира не сочла эту задачу первостепенной. Между тем военные события в Европе становились все тревожнее. Возвращение во Францию было уже невозможно. 23 апреля 1940 г. заказным письмом Зензинов просит Фондаминского похлопотать через Керенского о транзитной визе через Англию. В мае в Хельсинки перестали приходить английские и французские газеты.

3 июня на Avenue de Versailles в Париже упало четыре бомбы. 9 июня Фондаминский вместе с Мочульскими уехал в Аркашон. 14 июня немцы вошли в Париж. Началось паническое бегство мирного населения и еще одна одиссея русских изгнанников.

В середине июня Зензинов принял решение ехать в Америку. В ожидании визы и очереди на пароход лето и осень он проводит в глухой финской деревне, работая над своей будущей книгой. Почти единственный его корреспондент в это время — Екатерина Дмитриевна Кускова. В каждом письме в Женеву он спрашивает ее о Фондаминском.

В конце июля он получает американскую визу. В начале августа из десятка посланных каким-то чудом приходят две открытки от Фондаминского из Аркашона: «...Ты не можешь себе представить, как я по тебе соскучился и как я хочу, чтобы

²⁵ BAR. Zenzinov Papers. Box 9.

ты вернулся в Париж <...> Будь здоров, бодр и старайся, чтобы мы были вместе. Любящий тебя. И.»²⁶

22 октября, после 10-месячного пребывания в Финляндии, на пароходе из Петсамо Зензинов отбывает в Америку. В ночь на 6 ноября, когда состоялись выборы президента Ф. Рузельта, пароход вошел в нью-йоркскую гавань. К этому времени половина «русского Парижа» была уже здесь.

Семья Набоковых приехала в Америку за пять месяцев до Зензинова — 28 мая 1940 г. «Среди ожидающих Вас, — писал Набоков Карповичу, приглашая его в Нью-Йорк, — милейший Зензинов, только что прибывший из Финляндии. Так хорошо было увидеть его родное парижское лицо...»²⁷

Поиски американского издателя для «Встречи с Россией» не имели результата. Материал находили недостаточно новым и недостаточно сенсационным. Русских издательств не существовало. Они кончились во Франции с началом войны и еще не были организованы в Америке. Их только предстояло создать. К концу 1944 г., когда после многих попыток иссякли надежды, Зензинов решился издать книгу на свои средства. «Третьего дня — день моего рождения — кончил печатать свою книгу. Сам себе устроил подарок. 592 страницы! 4-го идет в брошюровальную. Товарищ переплетчик обещал сброшюровать все через две-три недели. Поступит книга в продажу в январе. Завтра будет первое объявление в газете. Боюсь, что до этого меня посадят в тюрьму — не знаю, как выпутаюсь с платежами и долгами! Авантюрист и авантюрист — ну и что же такое?»²⁸

По письмам, хранящимся среди бумаг Зензинова, прослеживается вся хронология рождения книги — от сбора материала до реализации тиража. Зензинов был автором, издателем, продавцом и рекламным агентом. 11 января он получил первую партию книг. В первую неделю «разошлось» 203 экземпляра, к началу февраля — 246, «...такого успеха я не ожидал», — сообщал счастливый автор М. В. Вишняку²⁹. В ответ на книгу корреспонденты присыпали рецензии в письмах.

²⁶ И. Фондаминский — В. Зензинову. Июль 1940 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 1).

²⁷ Письмо от 11 ноября 1940 г. (BAR. Karpovich Papers. Box 2).

²⁸ В. Зензинов — М. Вишняку. 1 декабря 1944 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 2). Книга издавалась в 1944—1945 гг.; на титульном листе стоит 1944 г., а на обложке, печатавшейся в канун Нового года, — 1945.

²⁹ Письмо от 22 января 1945 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 2).

«Два дня тому назад получил Ваше письмо, а сегодня — экземпляр Вашей книги и, не отрываясь, прочел значительную часть ее, верней — всю книгу самое и большую часть писем. Какой, действительно, интересный материал! И какой, в общем, контраст — в тоне, характере, грамотности — с теми письмами на фронт и с фронта, которые я выслушал за эти годы сотни по московскому радио. (Я почти четыре года работал “слушачом” для Рейтера.) Боюсь, что остальной богатый материал, оставшийся в Финляндии, о котором Вы пишете в предисловии, погиб безвозвратно...», — писал Г. Струве³⁰. Свои отзывы о книге прислали Алданов, Бунин, Керенский, Вишняк, Берберова, Карпович, Гуль и Набоков. Часть из них, в том числе и набоковский отзыв, Зензинов отобрал для рекламного листка. Несмотря на набоковские переводы «партии писем», книга больше не переиздавалась — ни по-русски, ни по-английски.

* * *

С первых же дней прибытия в Америку Зензинов начинает разыскивать Фондаминского. Он пишет десятки писем, в том числе подруге их юности М. Цетлин: «Милая Маня, теперь об Ильюше. Как только приехал сюда и узнал о Тузе³¹, не нахожу себе покоя. Все время думаю о нем. Если бы я был с ним, то ручаюсь, что вытащил бы его... В него нужно вдохнуть какую-то энергию, быть может, просто произвести на него даже сильное давление и заставить его душевно оторваться от Парижа... Я прилагаю письмо, которое пишу ему — постараитесь как-нибудь ему его переслать... Если нельзя переслать, то, быть может, можно как-нибудь его пересказать от моего имени? Милая Маня, я тебя умоляю: со всей свойственной тебе энергией постараитесь оказать на него давление! Я знаю и сам, как ты это хочешь... Честное слово, поехал бы туда, если бы в этом был какой-нибудь смысл. Мысль о Тузе меня буквально гложет...»³²

Но письма в оккупированный Париж не доходили. Зензинов снова пишет в Женеву — Е. Д. Кусковой; в Марсель — Е. И. Савинковой, жене Б. Савинкова; в свободную зону Франции — М. Осоргину. 17 января 1941 г. Осоргин сообщал Зен-

³⁰ Письмо от 19 апреля 1945 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 2).

³¹ Тузя — домашнее прозвище Фондаминского.

³² Письмо от 10 января 1941 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 2).

зинову: «...Об Ильюше знаю очень немногое. Он в Париже остается бодрым, но, как мне писали, его библиотека пострадала; у него были “хозяева”, интересовались им как представителем русской интеллигенции (без шуток, это — обычная формула в объяснении визитов!), смотрели его книги, а затем, в другой раз, их похитили, частью или все целиком — не знаю. Заезжали и ко мне в четвертый раз, вероятно, тоже за книгами. Как вы знаете, Тургеневская библиотека вся вывезена — куда? Еще в том же духе поступлено с квартирой Милюкова, архив которого, как и мой, ограблен. В остальном все мило <... Ильюше я сообщу о Вашем письме и пошлю Ваш адрес. Вы писать ему непосредственно не можете, но я мог бы (надеюсь) переслать Вам письмо, при условии, что оно будет написано по-французски и прислано мне незапечатанным. Почему так — объяснять сложно <... Можете ли Вы содействовать отъезду Ильюши в Америку? — повторял вопрос Зензинова Осоргин. — Конечно да, поскольку речь идет о визе, билетах, деньгах и проч. Но как ему выбраться из Парижа, как с ним сноситься правильно — этого не могу сказать. Выезд из зоны оккупированной в свободную чрезвычайно труден, нужны особые разрешения, которые с огромным отбором и редко даются в Париже. Только оказавшись здесь, можно устраивать себе отъезд...»³³

22 июня 1941 г., в день начала войны с Советским Союзом, в Париже и его пригородах было арестовано около тысячи эмигрантов — наиболее известные представители культурной и общественно-политической элиты русского зарубежья. Среди них был Фондаминский. «Есть ли весть от Ильюши?» — спрашивал Набоков Зензинова в первом же письме из Калифорнии, не подозревая об участии их общего друга. Сведения Зензинова об аресте Фондаминского (см. письмо № 2 — от 8 августа 1941 г.) были верны. Немецкий лагерь с «очень хорошими условиями» был Компьень, который с декабря 1941 г. был преображен в транзитный лагерь для евреев — граждан Франции и других стран, отправляемых в лагеря уничтожения...

«Фондаминский остался в лагере вместе с евреями, когда большинство русских уже были освобождены. Говорят, что не пощадило его в лагере и последнее испытание: антисемитизм

³³ BAR. Zenzinov Papers. Box 2. См. запись в дневнике Зензинова: «17 января 1941. Вчера мне передали из двух источников — через Верочку <В. И. Руднева. — Г. Г. из По и через Феничку <Шлезингер-Ланде. — Г. Г. , что Тузя в Париже, у него опечатана квартира, книги вывезены, но он ехать в Ам^{ер}ику не хочет и зовет меня в Париж! Письмо от него от 15 декабря (BAR. Zenzinov Papers. Box 10).

соотечественников, которых не смягчала и обреченность беззащитных жертв. Но с И. И. было несколько друзей-христиан, от которых мы знаем, как он окреп и вырос в это страшное время. Очевидно, он примирился со смертью и приготовился к ней. Тогда-то он решил и креститься. Никакого давления на него не было оказано. Священник, который крестил его, скорее сам чувствовал его влияние, его духовное и даже богословское превосходство. Этот священник рассказывал, что когда после крещения он служил литургию, за которой И. И. должен был впервые причаститься, ворвались немецкие солдаты и приказали прекратить службу, так как походная церковь подлежала закрытию. Таинство было закончено вне церкви, в одном из бараков. Так старый подпольщик в подполье встретил своего Христа.

Чтобы уяснить вполне значение смерти Фондаминского, нужно помнить, что она была наполовину добровольной. Ему представлялась возможность спастись. Тяжело заболев в лагере, он был переведен в больницу. Бежать оттуда было возможно, и друзья (на этот раз социалисты) брались устроить побег. Фондаминский отказался. Своим мотивом он указал желание разделить участь обреченных евреев. В последние дни свои он хотел жить с христианами и умереть с евреями, этим, может быть, искупая ту невольную боль, которую он причинял им своим крещением.

Смерть Фондаминского, вероятно, останется навсегда окутана тайной. Он был увезен в Германию, и там следы его теряются»³⁴.

В конце 1943 г. Набоков запрашивал Алданова: «...Мы с вами говорили последний раз о том, нельзя ли что-нибудь сделать по поводу Ильи Исидоровича. Вы говорили о католиках и о Красном Кресте. Удалось ли предпринять какие-либо шаги в этом смысле?...»³⁵ «...Об И. И. мы решили не запрашивать ни через Красный Крест, ни через Ватикан, — отвечал М. Алданов. — Во-первых, в лучшем случае ответ приходит через 11 месяцев! Во-вторых, главное, мы именно ему боялись повредить запросом из Америки. В частности, на бланках Ватикана есть пункт о религии, и мы не знаем, кем в этом смысле числится у немцев И. И. Я лично думаю, что его больше нет в живых»³⁶.

³⁴ Федотов Г. П. И. И. Фондаминский в эмиграции // Новый журнал. 1948. № 18. С. 327—328.

³⁵ Письмо от 23 ноября (BAR. Aldanov Papers. Box 6).

³⁶ Письмо от 27 ноября 1943 г. (BAR. Aldanov Papers. Box 6).

Фондаминского не было в живых уже год. Он погиб в газовой камере Аушвица (Освенцим) 19 ноября 1942 г. — эту дату через несколько лет сообщило французское правительство. Вопрос о его судьбе неоднократно возникает в письмах Набокова 1944—1945 гг. (см. письма № 16, 17, 19, 23, 24).

«Много думаю о милом Ильюше и все еще надеюсь», — писала Тэффи Зензинову 8 сентября 1945 года³⁷. В. А. Зайцева оказалась последним свидетелем: «30 апреля 1942 г. была у Ильюшечки, с чужим пропуском. После меня его никто не видел. Это было еще в Компьене. Он был маленький, седой. После операции — грыжу оперировали. Был оптимистичен, конечно! Я плакала, а он, как всегда, был бодр. Счастлива, что с ним простились»³⁸. Через какое-то время Зензинов получил письмо Г. Кузнецовой: «...Недавно между прочим пришла открытка от С. Гессена, в которой он пишет, что его пасынок был в одном концлагере с Ильюшкой под Варшавой и знает, наверное, что Ильюшу там расстреляли или удушили газом... Даже писать об этом невыразимо тяжело, и все кажется, что это не правда, что он жив и однажды появится между нами и со своей обычной милой живой манерой начнет уверять в том, что “все будет хорошо...”»³⁹

Чуть раньше пришла открытка:

«Дорогой Владимир Михайлович,

от всего сердца благодарю Вас за память обо мне. Несколько дней тому назад я получила через Земгор Вашу чудную посылку, мне захотелось сейчас же послать в свою очередь посылку, которая доставила бы Вам, кроме радости, м. б., и слезы. Это все Ваши фотографии, которые были мне переданы дорогим страдальцем Ильею Сидоровичем, он очень и очень просил сберечь их для Вас. Володе они доставят много радости; тут, сказал он, все его светлое прошлое, он очень хотел, чтоб я жила у него; он был так одинок, и часто-часто видела я слезы на его глазах, все уверены, что его уже нет; это, пожалуй, лучше для него! он был глубоко верующий, а такие смерть принимают без страха, а скорее радостно. М. б., дорогой Владимир Михайлович, Вы найдете какой-нибудь случай взять их отсюда лично, пока запрещены пересылки фотографии; если

³⁷ BAR. Zenzinov Papers. Box 2.

³⁸ М. Вишняк — В. Зензинову. 24 декабря 1945 г. (с включением письма В. Зайцевой) (BAR. Zenzinov Papers. Box 2).

³⁹ Г. Кузнецова — В. Зензинову. 26 августа 1946 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 1) (письмо написано Е. Гипарис).

меня не будет в это время в Париже, то ключи от квартиры будут у моего священника, и он всегда сможет передать все это Вашему посланцу»⁴⁰.

Шесть лет спустя после гибели Фондаминского в «Новом журнале» появились воспоминания о нем Зензинова и Федотова⁴¹. «С глубоким волнением прочитал, дорогой, Вашу замечательную, трогательную статью об Ильюше», — отзывался Набоков (см. письмо № 27 настоящей переписки — от 18 июня 1948 г.).

Еще через несколько лет о Фондаминском напишут все, кто будет вспоминать это время⁴². В автобиографической книге «Память, говори» Набоков изобразит Фондаминского как «святого, героического человека, сделавшего для русской эмигрантской литературы больше, чем кто бы то ни было, и умершего в немецкой тюрьме»⁴³.

* * *

В 1945 г. «русский блестательный Париж» стал историей. Нью-йоркская газета «Новое русское слово» печатала списки «погибших и выживших» в Европе.

...В июне 1940 г. бывший посол Временного правительства, глава офиса по делам русских беженцев В. А. Маклаков отказался покинуть Париж «по моральным соображениям». 21 апреля 1942 г. по приказу новой власти во Франции было создано Управление делами русской эмиграции. Начальником управления был назначен член национал-социалистической партии Германии, личный друг Розенберга Ю. С. Жеребков, бывший «балетный фигурант», его заместителем — в прошлом крупный чин русской разведки полковник П. Н. Богданович. Через неделю, 28 апреля 1942 г., «думский златоуст» был арестован, а его офис закрыт. Через три месяца его освободили, но

⁴⁰ Неустановленное лицо — В. Зензинову. 17 июня 1945 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 9).

⁴¹ Зензинов В. М. Памяти И. И. Фондаминского-Бунакова; Федотов Г. П. Фондаминский в эмиграции // Новый журнал. 1948. № 18. С. 299—329.

⁴² См.: Тэффи Н. Илья Фондаминский // Новое русское слово. 1951. 29 апреля. С. 2, 3; Кузнецова Г. Грасский дневник. М., 1995. Яновский В. Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983; Берберова Н. Курсив мой. М., 1996; Дон Аминадо. Поезд на третьем пути // Наша маленькая жизнь. М., 1994.

⁴³ Набоков В. Память, говори. С. 564.

взяли подпись с обещанием не заниматься беженскими делами. Он подходил гестапо в качестве возможного заложника, и только быстрота событий в момент освобождения Парижа помешала воспользоваться им.

14 июня 1942 г. стал выходить «Парижский вестник» — прогитлеровский орган на русском языке⁴⁴. «Нам надо, наконец, решить с кем мы: с Христом или с Адамовичем?»⁴⁵ — провозглашал Мережковский, свой выбор сделавший: он был с Гитлером. Публикуя перевод одной из статей Д. С. Мережковского из итальянского фашистского издания, газета писала, что это делается «с согласия З. Гиппиус, верной соратницы Мережковского по борьбе с большевиками, так чутко осознавшей, что только в тесном союзе с Германией, под водительством ее Великого Фюрера, будет наша родина спасена от иудо-большевизма»⁴⁶. В некрологе Мережковскому газета «Парижский вестник» отмечала переход «под знамя Фюрера и его активное сотрудничество с органами германской пропаганды»⁴⁷.

С конца 1943 г., после перелома в ходе войны, маятник качнулся в другую сторону. Советское посольство, едва очутившись в Париже, стало издавать свою газету «Русский патриот», с марта 1945 г. поменявшую название на «Советский патриот». В «Русском патриоте» была напечатана статья П. Н. Милюкова «Правда о большевизме». Это было прославление «боевой мощи Красной армии»: «...когда видишь достигнутую цель, лучше понимаешь значение средств, которые применены к ней»⁴⁸, — писал бывший министр иностранных дел Временного правительства, редактор «Последних новостей», «самим Богом созданный для английского парламента и Британской энциклопедии»⁴⁹. (Свое отношение к русско-финской войне Милюков сформулировал в письме к И. П. Демидову, заменявшему

⁴⁴ См.: Арансон Г. «Парижский вестник» (опыт характеристики) // Новый журнал. 1948. № 18. С. 330—341. Газета выходила с 14 июня 1942 г. по 12 августа 1944 г. (112 номеров). В ней сотрудничали: Ю. Жеребков, генерал П. Краснов, И. Шмелев, И. Сургучев, А. Реников, «власовцы» и др.

⁴⁵ Берберова Н. Курсив мой. С. 458.

⁴⁶ Парижский вестник. 1944. № 81. 3 янв.

⁴⁷ Цит. по: Полонский Я. Сотрудники Гитлера // Новое русское слово. 1945. 20 марта.

⁴⁸ Русский патриот. 1944. № 3 (16). С. 2—3.

⁴⁹ Дон Аминадо (А. П. Шполянский). Поезд на третьем пути. С. 608—609.

шему его в газете во время войны: «Мне жаль финнов, но я — за Выборгскую губернию»⁵⁰.) В «Советском патриоте» стал сотрудничать Н. А. Бердяев. С мая 1945 г. появилась еще одна газета «патриотического направления» — «Русские новости», редактируемая А. Ф. Ступницким⁵¹, бывшим сотрудником «Последних новостей». В ней начали сотрудничать Е. Кускова, А. Бахрах, Г. Адамович. «...Да, в Париже жутковато, судя по газеткам оттуда, — писал Набоков Алданову 8 декабря 1945 г., — Адамович, вижу, употребляет все те же свои кавычки и неуместные восклицательные знаки (“Не в этом же дело!”). Прегадок Одинец и печальная сухая блевотина Бердяева. Мучительно думать о гибели стольких людей, которых я знал, которых встречал на литературных собраниях...»⁵² 20 лет спустя Набоков напишет: «Только много позднее, в сороковых годах, некоторые из этих авторов наконец отыскали уверенный скат, по которому можно соскальзывать в позе, более-менее коленопреклоненной. Таковым оказался восторженный национализм, позволяющий называть государство (в данном случае сталинскую Россию) достойным и обаятельным

⁵⁰ Вакар Н. Милюков в изгнании // Новый журнал. 1943. № 6. С. 375.

⁵¹ Ступницкий Арсений Федорович (1893, Минск — 1951, Париж) — юрист, журналист. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и Школу политических наук в Париже. С 1927 г. постоянный сотрудник газеты «Последние новости». Средактор книги: «П. Н. Милюков. Сб. материалов» (1930). Ступницкий был фаворитом Милюкова в последние годы его жизни. Редактор просоветской газеты «Русские новости» с 1945 по 1951 гг. «“Русские новости” 1945-го года, бесцеремонно провозгласившие себя идеиными продолжателями “Последних новостей”, поклонившиеся до земли, распластавшиеся, расплющившиеся в лепешку пред гениальным Сталиным, наводнившие столицы безоговорочно советского листка статьями возрожденского молодца и немецкого наймита Льва Любимова и фельетонами ухаря-перебежчика Николая Роцина, — и все это под редакцией Ступницкого, и при директоре-распорядителе ученом агрономе Волкове, да при благосклонном участии, — правда только поначалу, потом сообразили и одумались, — многих иных, именитых и знаменитых <... до всего этого, благодарение судьбе, Милюков не дожил» (Дон Аминадо. Поезд на третьяком пути. С. 693). О деятельности Ступницкого как редактора «Русских новостей» см. письмо Е. Д. Кусковой к М. А. Алданову от 9 января 1947 г. (Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 321) и письма Г. В. Адамовича А. В. Бахраху (Новый журнал. 1999. № 216. С. 98—146).

⁵² BAR. Aldanov Papers. Box 6. В ответном письме от 16 декабря Алданов писал: «Какая из двух газет хуже, затрудняюсь сказать...» Об Одинце см. примеч. 4 к п. 2.

на том единственном основании, что его армия победила в войне...»⁵³

Во втором номере «Русских новостей» В. А. Маклаков поместил статью «Советская власть и эмиграция»⁵⁴. «Эмиграция и советская власть» — так была названа серия статей в «Новом журнале», посвященная обсуждению его визита в Советское посольство⁵⁵. Перестановка слов тонко меняла акценты, намекая на его сотрудничество в просоветской газете. «...раздельная линия, которая отделяла нас от патриотов, — объяснял Маклаков в частном письме Керенскому и Зензинову, — была в этих словах: они <патриоты. — Г. Г. признавали “безоговорочно” советскую власть, а мы оставались верны своему прошлому <...> “Патриоты” были вхожи в посольство и, несомненно, пользовались его покровительством...»⁵⁶ Привилегия «патриотов», видимо, задевала группу Маклакова. 12 февраля 1945 г. он с единомышленниками решился переступить порог особняка на рю де Гренель, где двадцать лет назад протекала его дипломатическая деятельность.

7 марта 1945 г. на первых страницах газеты «Новое русское слово» появилось сообщение «от парижского корреспондента Я. Кобецкого»⁵⁷: «Русская политическая эмиграция Парижа в лице ее наиболее авторитетных представителей вступила на путь полного примирения с советской властью. 14 февраля советского посла Богомолова посетила делегация, во главе которой стоял председатель эмиграционного комитета В. А. Маклаков. В делегацию, помимо В. А. Маклакова, входили следующие лица: председатель “союза русских патриотов” проф. Д. М. Одинец⁵⁸, А. А. Титов, А. С. Альперин, М. М. Тер-Погосян, В. Е. Татаринов, Е. Ф. Роговский и А. Ф. Ступницкий. Одновременно, по личному приглашению полпреда, прибыли на рю де Гренель адмирал М. А. Кедров, заменивший ген. Миллера на посту

⁵³ Набоков В. Память, говори! С. 562.

⁵⁴ Русские новости. 1945. № 2. 25 мая.

⁵⁵ Новый журнал. 1945. № 10. С. 341—360; № 11. С. 350—374.

⁵⁶ Письмо от 21 июня 1945 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 1).

⁵⁷ Я. Я. Кобецкий (1885 — ?) служил в Петрограде доверенным банка и состоял членом Фондовой биржи. Во время войны — контролер 1-го Кавалерийского корпуса. Сотрудник газеты «Последние новости» с момента ее основания. Вел раздел «Биржевая хроника».

⁵⁸ «Весь рассказ он <Кобецкий. — Г. Г. получил от Одинца, который с нами не был. С которым мы бы и не пошли и которого он облыжно включил в число посетителей» (В. Маклаков — А. Керенскому. 21 июня 1945 г. — BAR. Zenzinov Papers. Box 1).

председателя Общевоинского союза, и адмирал Д. Н. Вердеревский». Далее шло конкретное описание приема, речей, обмена мнениями и провозглашения тоста «За Сталина»⁵⁹.

«Дорогой Александр Федорович, — писал Зензинов Керенскому 15 марта 1944 г., — “событие в Париже”, как это названо в передовице НРС, произвело здесь, конечно, впечатление разорвавшейся бомбы»⁶⁰. Зензинов описывал совместное с меньшевиками собрание, где горячо обсуждалась столь быстрая политическая переориентация русских парижан (до того произошел обмен телеграммами). Объяснительные письма от Маклакова, Тер-Погосяна и других комментировались в частном порядке. На страницах «Нового журнала» и «Нового русского слова» шло общественное обсуждение «загадки Маклакова»⁶¹. «Возможно, — писал С. П. Мельгунов, — что военному триумфу России и суждено в атмосфере массового националистического угара в данный момент спасти сталинскую автократию, но это вовсе не будет предначертанием истории — сталинская ложь не сделается правдой»⁶².

«Маклакова резко осуждали в эмигрантских кругах за это “хождение в Каноссу”. Писали, что в новоявленном “совпатриотизме” два полюса российского либерализма — Милюков и Маклаков — сошлись»⁶³.

Набоков знал Маклакова с детства. Он был соратником отца по кадетской партии, объяснявшим Владимиру Дмитриевичу «всю юридическую несостоятельность его знаменитой фразы “власть исполнительная да подчинится власти законодательной!”»⁶⁴. В 1913 г. вместе с Маклаковым, занимавшим скамью

⁵⁹ Митрополит Евлогий и В. А. Маклаков посетили советского посла Богомолова. Об этом см.: Новое русское слово. 1945. 7 марта. С. 1—2. Протокол беседы см.: Эмигранты у Богомолова // Новый журнал. № 100. 1970. С. 260—268.

⁶⁰ BAR. Zenzinov Papers. Box 1. В главе третьей романа «Дар» Годунов-Чердынцев отмечает стилистический штамп в статьях редактора берлинской «Газеты» Васильева: «И очень часто попадалось выражение: “произвело впечатление разорвавшейся бомбы”» (Набоков В. Дар. С. 353).

⁶¹ Седых А. Загадка В. А. Маклакова // Новое русское слово. 1945. 18 марта.

⁶² Мельгунов С. П. Ответ на анкету «Эмиграция и советская власть» // Новый журнал. 1945. № 11. С. 356—365.

⁶³ Иоффе Г. «Совершенно один, и это ужасно» // Новый журнал. 1997. № 206. С. 209.

⁶⁴ Ледницкий В. Вокруг В. А. Маклакова // Новый журнал. 1959. Кн. LVI. С. 249. Знаменитая фраза, которой 13 мая 1906 г.

защиты, В. Д. Набоков участвовал как репортер газеты «Речь» в печально знаменитом процессе Бейлиса. «По общему признанию, именно речь Маклакова стала центральной и в большой степени повлияла на оправдательный вердикт 12 присяжных, среди которых больше половины были простые крестьяне»⁶⁵. Уже после трагической гибели отца Набоков не однажды виделся с Василием Алексеевичем в Париже. «Визит» Маклакова к Богомолову производил тяжелое впечатление. Набоков не скрывал этого. Его «классификация эмиграции», вызванная к жизни событиями в Париже (см. письмо № 21 — от 17 марта 1945 г.), — одна из самых сильных и откровенных, еще не претворенных в художественный текст политических деклараций, к которым он обычно не был склонен. Очень быстро «политическое стихотворение в прозе», как окрестил Зензинов это послание своего корреспондента, стало достоянием общественности. Верный методам подпольного прошлого, Зензинов перестукивал его на машинке и рассыпал друзьям. «Оценил я по достоинству и писульку Сирина. Молодец!» — отозвался на присланное Зензиновым письмо М. В. Вишняк, не пропустивший когда-то в «Современные записки» четвертую главу «Дара»⁶⁶.

В этом же году Набоков начал писать роман — политическую сатиру «Bend Sinister», действие которой происходит в гротескном «кураинанском» государстве во главе с правителем Падуком — основателем партии Среднего Человека. Главный герой, одноклассник Падука философ Адам Круг, поставлен, как и каждый, перед необходимостью служить новому режиму. Выбора нет, ибо «тираническое государство ведет войну со своими подданными и может держать в заложниках любого из собственных граждан без ограничений со стороны закона». Аресты друзей Круга не дают результата, и только нащупав «рукоятку любви», т. е. «захватив его ребенка, можно заставить его сделать все что угодно»⁶⁷.

В. Д. Набоков закончил свою речь на заседании Думы, в ответ на объявление председателя Совета министров Ивана Горемыкина о том, что правительство не принимает программы, предложенной в ответном адресе на тронную речь.

⁶⁵ Иоффе Г. «Совершенно один, и это ужасно». С. 199.

⁶⁶ М. Вишняк — В. Зензинову. 10 января 1941 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 2).

⁶⁷ Набоков В. Предисловие к 3-му американскому изданию романа // Набоков В. Собр. соч. американского периода. Т. 1. С. 197. (В русском переводе С. Ильина роман назван «Под знаком незаконнорожденных».)

«Я никогда не испытывал интереса к так называемой литературе социального звучания»⁶⁸, — пишет Набоков в том же предисловии к 3-му американскому изданию романа. Кажущаяся аполитичность Набокова, которую он постоянно декларирует в письмах и интервью и которой иногда провоцирует читателя, — его очередная мистификация, «защита» своей эстетической позиции художника и писателя от посягательств утилитаризма. Но сын В. Д. Набокова, автор «Дара» и «Истребления тиранов» все знал и все понимал. Среди американской интеллигенции росли симпатии к советскому «эксперименту». Он пытался что-то объяснить западному либералу Эдмунду Уилсону: «Ты плохо знаешь меня и “русских либералов”, если до сих пор не понял, какую насмешку и презрение вызывают у меня русские эмигранты, чья “ненависть” к большевикам порождена финансовыми потерями и классовым degringolade⁶⁹. Смехотворно (хотя и в духе советских сочинений на эту тему) объяснять материальными интересами расхождение русских либералов (или демократов, или социалистов) с советским режимом. Я специально обращаю твоё внимание на тот факт, что мою позицию по отношению к ленинскому или сталинскому режиму разделяют не только кадеты, но также эсеры и различные социалистические группировки»⁷⁰.

Об одинаковой природе двух тоталитарных режимов Набоков писал тому же Уилсону еще в начале войны, неожиданно закончив свою сентенцию «прорывом» в литературу: «Почти двадцать пять лет русские, живущие в изгнании, мечтали, когда же случится нечто такое — кажется, на все были согласны, — что положило бы конец большевизму, например, большая кровавая война. И вот разыгрывается этот трагический фарс. Мое страстное желание, чтобы Россия, несмотря ни на что, разгромила или, еще лучше, стерла Германию с лица земли, вместе с последним немцем, сравнимо с желанием поставить телегу впереди лошади, но лошадь до того омерзительна, что я не стал бы возражать. Для начала я хочу, чтобы войну выиграла Англия. Затем я хочу, чтобы Гитлера и Сталина сослали на остров Рождества и держали там вместе, в близком соседстве. А затем — я понимаю, все произойдет до смешного иначе — пусть страшные кадры горестных событий невпопад перебьет автомобильная реклама»⁷¹.

⁶⁸ Там же. С. 196.

⁶⁹ утрата общественного положения (*франц.*).

⁷⁰ Письмо В. Набокова Э. Уилсону от 23 февраля 1948 г. // Звезда. 1996. № 11. С. 120.

⁷¹ Письмо В. Набокова Э. Уилсону от 18 июля 1941 г. // Звезда. 1996. № 11. С. 115.

«Отвергая выбор — или Сталин, или Гитлер, — писатель объявил: ни Сталина, ни Гитлера»⁷².

* * *

Конец «большой кровавой войны» ознаменовался новой волной послевоенной эмиграции. Освобожденные из лагерей Ди-Пи⁷³ «власовцы», «невозврашенцы» — неоднородный социальный состав бывших «советских» людей влился в Европу, Америку, Австралию.

С начала 1940-х гг. центр русской эмиграции переместился в США. Здесь предстояло возродить те общественные организации и институты, которые лежали в основе культурной и социальной жизни русской диаспоры. Именно здесь возникает свободная пресса демократического направления и первое русское издательство. Еще с 1910 г. в Нью-Йорке выходила газета «Новое русское слово», предоставившая теперь свои страницы «новым» авторам. Во время войны газета занимала «оборонческую» позицию. «...в Европе больше нет ни газет, ни журналов, ни издательств для русских. Эта счастливая полоса кончилась. Я живу вашей нью-йоркской газетой, платящей мне гроши, но печатающей обильно», — писал М. Осоргин Зензинову из свободной зоны Франции⁷⁴.

Первыми были возрождены политические издания. В 1940 г. в Америку вместе со своим журналом переехали основатели «Социалистического вестника» Р. А. Абрамович, Д. Ю. Далин, Ф. И. Дан. Официальный орган РСДРП продолжил свое существование в Нью-Йорке. С апреля 1941 г. Ф. И. Дан решает издавать свой журнал «Новый путь», считая возможной эволюцию большевистского режима.

В следующем году в Нью-Йорке выходят сразу два литературно-художественных журнала: «Новоселье» и «Новый журнал»⁷⁵.

⁷² Геллер М. Набоков и политика // Cahiers de l'émigration russe 2. Paris, 1993. Vladimir Nabokov et l'émigration. P. 15.

⁷³ . P. — displaced Persons — перемещенные лица (англ.). Бывшие советские граждане после окончания войны несколько лет находились в специальных лагерях Ди-Пи в ожидании виз на въезд в различные страны.

⁷⁴ М. Осоргин — В. Зензинову. 17 января 1941 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 2).

⁷⁵ «Новоселье», Нью-Йорк, 1942—1948; Париж, 1949—1950. Редактор — С. Ю. Прегель (1897—1972). Об истории журнала см.:

В первом номере «Новоселья» была заявлена его программа: «Мысль о России, обращенность к России — будет руководящим началом всей нашей деятельности»⁷⁶. В первых двух номерах «Новоселья» Зензинов публикует воспоминания детства и юности⁷⁷. В первых трех номерах «Нового журнала» Набоков помещает прозу и стихи⁷⁸. «Новый журнал» станет ведущим журналом русского зарубежья. И Зензинов, и Набоков будут сотрудничать в нем на протяжении многих лет.

В мае 1941 г. уже успевший освоиться Зензинов начинает издавать политический журнал. Он назовет его «За свободу». Быть может, в память о Борисе Савинкове (о котором восторженно напишет в воспоминаниях), издававшем в 1921 г. в Варшаве журнал с таким же названием. Журнал «За свободу», заявленный как орган партии эсеров, становится альтернативой просоветским изданиям в Париже. В нем сотрудничали сам Зензинов, М. Вишняк, С. Соловейчик, В. Чернов, Н. Авксентьев, Д. Шуб, Г. Федотов. Журнал рассыпался в разные страны, в лагеря Ди-Пи, но большая часть — во Францию, где угас советского патриотизма задушил свободную русскую прессу.

«Направление большей части русских журналов и газет в Америке вызывает во мне не только несогласие, но и возмущение (напр., «За свободу» и «Соц. вестник», которые мне присылают). Предположу, что «Новоселье» другого направления. Недопустимо восстанавливать западные державы против своей родины...» — писал Н. Бердяев⁷⁹.

Три автора вызвали особый гнев редакции газеты «Советский патриот»: Федотов, Вишняк, Зензинов. «Одержимые злобой» — так называлась статья о них С. И. Руденко⁸⁰. Но журнал «За свободу» продолжал дискутировать с парижским

⁷⁶ Юниверг Л. Скромное, но полезное русское дело. Из истории журнала «Новоселье» // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 4. С. 229—244. О «Новом журнале» см. примеч. 2 к письму № 17.

⁷⁷ Новоселье. 1942. № 1. С. 3.

⁷⁸ См.: Зензинов В. М. Из воспоминаний // Новоселье. 1942. № 1. С. 25—35; № 2. С. 24—37.

⁷⁹ «Ultima Thule» — 1942. № 1. С. 49—77; «Русалка» — 1942. № 2. С. 181—184; «Слава» — 1942. № 3. С. 157—161.

⁸⁰ Н. А. Бердяев — С. Ю. Прегель. 14 октября 1942 г. Цит. по: Юниверг Л. Скромное, но полезное русское дело... С. 237.

⁸¹ Советский патриот. 1945. 31 августа.

изданием. В одном из номеров была опубликована статья Г. П. Федотова «Ответ Н. А. Бердяеву»: «...угар советофильства прежде всего питается военными триумфами России. Мало кто сумел сохранить трезвость ума и сердца. Увы, Бердяев поддался общему психозу. В своих первых статьях, еще в “Советском патриоте”, — он славил революцию за то, что она вернула русской армии ее былую непобедимость, утраченную в последние годы монархии. Читая, не веришь своим глазам. Бердяев судит политический строй по его военной мощи!.. Будущее покажет, найдет ли в себе силы старый, ослепший орел для нового героического взлета или ему так и суждено окончить свои дни в плена у обленившего его просоветского черносотенства»⁸¹.

«Время оккупации, — писал В. Яновский, — Бердяев провел в героическом и почетном одиночестве. После победы, в которой русские “катюши” сыграли такую большую роль, “признание” Бердяевым сталинской империи было так же психологически неизбежно, как и визит Маклакова на рю Гренель»⁸².

В письмах парижских корреспондентов Зензинова — отклики на присылку журнала.

«Многоуважаемый Владимир Михайлович! Я давно уже получил любезно присланный мне вами сентябрьский номер “За свободу”, — извините, что до сих пор не поблагодарил Вас. После той “русской прессы”, которую мы имеем здесь (“Сов. патриот” и “Русские новости”), в которых действительность отражается как в кривом зеркале, чтение Вашего журнала действует как свежая холодная вода...»⁸³ «Вы, несомненно, достаточно представляете себе здешние “Русские новости” и до какого морального падения дошел редактор их Ступницкий...» — писал А. Вельмин⁸⁴.

⁸¹ Федотов Г. П. Ответ Н. А. Бердяеву // За свободу. 1946. № 17. С. 57—69.

⁸² Яновский В. Поля Елисейские. С. 164.

⁸³ А. Вельмин — В. Зензинову. 9 октября 1946 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 2).

⁸⁴ А. Вельмин — В. Зензинову. 30 августа 1948 г. (Там же). А. П. Вельмин — журналист и общественный деятель. В 1920—1930 гг. — варшавский корреспондент «Последних новостей» и представитель русского зарубежного архива в Праге. В 1936—1939 гг. — председатель Русского попечительского комитета в Польше, в годы войны — библиотекарь «Русского дома» в Варшаве. В августе 1944 г. вывезен в Германию. В последующие годы жил в Париже, корреспондент «Русской мысли».

«Дорогой Владимир Михайлович,
сердечно благодарю вас за присылку книжки “За свободу”.
Благодарю не формально (хотя и очень ценю Вашу память обо
мне), а по-настоящему с чувством благодарности за то отрадное
впечатление, которое произвела на меня эта маленькая книж-
ка. Мы здесь отвыкли от свободного слова и даже как-то не
верится, что там, за оградой нашей тюрьмы, еще “живут” люди.
Многих из нас уже отпели и похоронили на страницах Ваших
газет — и не без оснований. Кончились мы. Прах и тлен...» —
писала Зензинову Тэффи⁸⁵.

«Глубокоуважаемый Владимир Михайлович,

я получил два последние номера “За свободу”, за что Вас
очень благодарю, ибо русская литература из Америки нам здесь
как живая вода, от свободной прессы мы давно отвыкли, а вновь
привыкнуть очень хочется. Длиннее не пишу об этом, ибо
помещенные в “За свободу” письма из Парижа прекрасно ха-
рактеризуют здешние настроения. Шлю сердечный привет
и пожелание превратить непериодическую “За свободу” в пе-
риодическую. За присылку журнала буду всегда очень благо-
дарен! Не забывайте! Ваш Гуль»⁸⁶.

Читал журнал и Набоков: «Позвольте приложить — отнюдь
не в виде новогоднего подарка — небольшой чек на “За свободу”» (письмо № 26 — от 11 января 1948 г.). Посылка им де-
нежного чека на политический журнал — важное свидетель-
ство, знак безусловной консолидации писателя с политической
позицией журнала.

«“За свободу” имел большой успех, — вспоминал М. Вишняк, —
особенно среди Ди-Пи. Зензинов меньше других редакторов пи-
сал в журнале, но он вел всю переписку с сотрудниками, редак-
тировал материал, сносился с типографией, ведал распростране-
нием. На обложке значился его адрес. И постепенно Зензинов
стал сам адресом, по которому лагерные жильцы в Германии,
Австрии, Италии обращались за всякого рода помощью и советом.
Писали ему со всех концов света — из Марокко, Австралии, Шан-
хая. Он добывал аффидэвиты и, сам неимущий и безработный,
принимал на себя материальное поручительство за незнакомых
ему людей. Десятки Ди-Пи обязаны Зензинову тем, что вырвались
из лагерей и очутились в Америке. Многих он поддержал
если не материально, то морально — сочувственным и обнадежи-
вающим словом»⁸⁷.

⁸⁵ Тэффи — В. Зензинову. 8 сентября 1945 г. (Там же).

⁸⁶ Р. Гуль — В. Зензинову. 2 сентября 1945 г. (BAR. Zenzinov Papers.
Box 1).

⁸⁷ Вишняк М. Памяти друга // Новый журнал. 1954. № 36. С. 293—294.

В архиве Зензинова множество писем с просьбой о помощи и огромное число писем с благодарностью от знакомых и незнакомых лиц. 200—300 посылок, вещевых и продуктовых, ежегодно отправлял Литературный фонд во Францию, Германию, Австрию, Италию первые пять послевоенных лет. Всем этим занимался Зензинов, редактируя еще и «Известия Литературного фонда». Он «истинно жил только тогда, когда работал для других», — написал его друг Н. Калашников⁸⁸.

В письмах конца 1940-х — начала 1950-х гг. «пульсирует» жизнь новорожденных организаций. «На прошлой неделе мы ездили на годичное собрание Соц[иалистического] вестника, — сообщал Набокову его друг Р. Н. Гринберг 12 февраля 1947 г. — Средний возраст присутствовавших был умопомрачен. Несмотря на это, твой Зензинов — эсер в гостях у эсдеков — в своей приветственной речи огорчался, что не видит в зале никого из той первой русской эмиграции, так называемой Женевской. Как бы там ни было, Соц[иалистический] вестник очень полезное дело и им зачитываются в Европе, где теперь есть и новейшая эмиграция русских...»⁸⁹

Трудно назвать новое начинание, в котором не участвовал бы Зензинов! Он состоял в правлениях общества «Надежда», клуба «Горизонт», «Литературного фонда». Он организует лекции, вечера, сам выступает как лектор, редактирует журнал и как действующий политик в марте 1949 г. участвует в создании Лиги Борьбы за Народную Свободу. Он пытается соединить два поколения эмигрантов, проводя совместные встречи и обсуждения. Устройство литературных вечеров Набокова в 1949 и 1952 гг. — одна из многих его повседневных забот. Сам одаренный писатель⁹⁰, только к концу жизни решается он на

⁸⁸ Калашников Н. Из воспоминаний о Зензинове // Новый журнал. 1954. № 36. С. 302.

⁸⁹ New York Public Library. Berg Collection. Nabokov papers.

Гринберг Роман Николаевич (1897—1969) — редактор журнала «Опыты» (Нью-Йорк, 1953—1954, № 1—3, соредактор В. Л. Пастухов, издатель М. С. Цетлина; с № 4 по 9 — редактор Ю. Иваск), а также редактор и издатель альманаха «Воздушные пути» (Нью-Йорк, 1960—1967, № 1—5).

⁹⁰ Зензинов обладал беллетристическим талантом, что отмечали многие современники. В разное время им были опубликованы книги: Старинные люди у Холодного океана. М., 1914; Очерки торговли на севере Якутской области. М., 1916; Из жизни революционера. Париж, 1919; Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сб. документов. Париж, 1919; Русское устье. Берлин, 1921; Нена. Берлин, 1925; Железный скрежет. Из амери-

мемуары, советуясь с М. М. Карповичем: «Мне пришлось прожить долгую жизнь, богатую событиями и людьми — из оставшихся еще в живых таких людей, как я, уже немного. Когда мне приходится рассказывать о прошлом, я чувствую, что меня слушают с живым интересом и даже удивлением. Гершуни⁹¹ как-то в одном своем частном письме писал: “...если социа-

канских впечатлений. Париж, 1926; Беспризорные. Париж, 1929; Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию. 1939—1940. Нью-Йорк, 1944 [1945]; Пережитое. Нью-Йорк, 1953; 20 статей и 15 рецензий в периодических эмигрантских изданиях.

⁹¹ Григорий Андреевич Гершуни (Герш Исаак Ицкович) (17 сентября 1870, Таврово Телешевского уезда Ковенской губ. — 16 марта 1908, Цюрих) — основатель партии эсеров, организатор и руководитель Боевой организации. Вольнослушатель курсов медицинского факультета Киевского университета и Московских курсов бактериологии в Институте экспериментальной медицины. Имел звание провизора. Весной 1898 г. в Минске открыл химико-бактериологический кабинет. К этому времени проникся социалистическими идеями, чему способствовало знакомство с вернувшейся из ссылки Е. К. Брешко-Брешковской. Сблизился с основателями местной подпольной организации «Рабочая партия политического освобождения России». Редактировал программную брошюру партии «Свобода», написанную спутницей его жизни Л. М. Клячко, усиливая ее террористическую направленность. Один из организаторов мастерской по изготовлению типографских станков и «пасспортного бюро». В 1900 г. арестован и доставлен в Москву. После освобождения вернулся в Минск. С февраля 1901 г. — в Петербурге и Варшаве, где установил связь с польской социалистической партией. Встречался с Брешко-Брешковской, которая ввела его в руководящий состав эсеровского движения. Вербовал людей для Боевой организации, которая оформилась к началу 1902 г. Член ЦК эсеровской партии. Готовил ряд покушений. 13 мая 1903 г. арестован на станции Дарница под Киевом при возвращении из Уфы после теракта. Заключен в Петропавловскую крепость. В марте 1904 г. на военном суде в Петербурге смертная казнь заменена пожизненным заключением, а потом 20-летней каторгой. Из Бутырской тюрьмы переведен в Акатуйскую (Сибирь). 13 октября 1906 г. бежал через Китай в США, где выступал с лекциями о революции в России. В 1907 г. на II съезде партии (Тиммерфорс) голосовал за блок с КД во 2-й Думе. Избран в ЦК. Вместе с Азефом пытался воссоздать распавшуюся осенью Боевую организацию партии, безгранично доверяя ему. В начале 1908 г. заболел саркомой, переехал из Финляндии в Швейцарию для лечения, умер в Цюрихском госпитале. См.: Городницкий Р. Г. А. Гершуни — «крестный отец» эсеровского терроризма // Евреи и русская революция. М.; Иерусалим, 1999. С. 233—266.

листическая партия победит, она победит не физической силой, а моральной чистотой". Эта фраза сейчас звучит наивно, но она верно выражает и отражает ту атмосферу, в которой мне и моему поколению приходилось жить и работать. В этом, конечно, была и наша сила, и слабость. И вряд ли такие взгляды можно рекомендовать новым поколениям — но с ними они обязательно должны ознакомиться. В некотором смысле это то, чего часто недостает этим новым поколениям»⁹².

О том же пишет и Набоков в одном из своих первых писем Э. Уилсону: «Моральная чистота и бескорыстие русских интеллигентов, в общем-то, не имеют аналогов на Западе. К какой бы партии они ни принадлежали, к большевикам или кадетам, народовольцам или анархистам, их быт на протяжении пятидесяти лет общественного движения определяется чувством долга, самопожертвованием, отзывчивостью, героизмом; это не было отличительными признаками касты»⁹³.

* * *

Последнее письмо Зензинова Набокову, в котором обсуждалась дата предстоящего выступления писателя в обществе «Надежда», внезапно заканчивается возгласом: «Долой Сталина!»⁹⁴. Он доживет до этого долгожданного часа: три с половиной месяца спустя «Гений всех Времен и Народов» умрет, дав свое имя ушедшей наконец эпохе.

Через семь месяцев в этом же году умрет и сам Зензинов. Его библиотека, рукописи, письма будут упакованы и описаны — их примет только что основанный Бахметевский архив. Часть книг по просьбе собирателя К. И. Солнцева, спасшего когда-то бумаги Набокова и библиотеку Зензинова, будет подана ему.

На двух страницах желтой папиросной бумаги — «Завещание»:

Моя последняя воля и последнее желание

⁹² В. Зензинов — М. Карповичу. 18 марта 1951 г. (BAR. Zenzinov Papers. Box 1).

⁹³ Письмо В. Набокова Э. Уилсону от 15 декабря 1940 г. // Звезда. 1996. № 11. С. 113.

⁹⁴ Зензинов не мог не знать статью Г. П. Федотова «Торопись!»: «“Долой Сталина!” — сейчас единственный общенациональный лозунг для порабощенной России...» (Новая Россия. 1939. № 12).

Прошу, если это окажется возможным, тело мое сжечь. Никаких решительно надгробных речей и речей на кладбище. Вместо этого немного музыки — 10—15 минут, не больше — не слишком печальной и грустной: м. б. Баха, м. б. Гайдна, а всего лучше Моцарта.

Никаких цветов.

Похороны гражданские, без каких-либо церковных обрядов и без участия духовенства.

В. Зензинов.

15 августа 1949 г.

И, ради всего святого, никаких посмертных статей и некрологов.

В. З.⁹⁵

Некрологи о нем, конечно же, были. Друзья единогласно отмечали: исключительную работоспособность; общественное подвижничество; незаурядное художественное дарование; гражданскую жертвенность; талант, доброту и отзывчивость.

Его друг и душеприказчик М. Вишняк закончил некролог справедливыми словами: «Сохраним же навсегда в нашей памяти образ одного из достойнейших воинов Российской всенародной революции, неутомимого борца за свободную Россию, за права и достоинство человека — Владимира Михайловича Зензинова»⁹⁶. Двадцатью годами раньше, в «Подвиге», напечатанном в журнале Вишняка «Современные записки», Набоков выразил свое отношение к подобным формулам: «...Мартыну казалось, что слова некролога “пламенел любовью к России” или “всегда держал высоко перо” как-то унижают покойного тем, что они же, эти слова, могли быть применены <... и к самому маститому автору некролога...»⁹⁷

В письмах современников Зензинова — частые апелляции к его имени как некоему абсолютному гаранту порядочности и честности. С годами юношеское неокантианство и категорический императив сменились терпимостью — «жизнь смягчила угловатую остроту его партийных концепций»⁹⁸, но романтический идеализм, свойственный его душе, остался навсегда.

⁹⁵ BAR. Zenzinov Papers. Box 9. File 2.

⁹⁶ Вишняк М. Памяти друга. С. 295.

⁹⁷ Набоков В. Подвиг. С. 202.

⁹⁸ С. М. (С. Мельгунов?). В. М. Зензинов // Возрождение. Париж, 1953. Тетр. 30. Ноябрь-декабрь. С. 200.

Еще в Париже, через несколько дней после своего выступления, Набоков, видимо, по просьбе друга, подарил ему свое стихотворение с дарственной надписью: «Переписано для дорогого Владимира Михайловича Зензинова, 12-го февраля 1936, в Париже».

На закате, у той же скамьи,
как во дни молодые мои,

на закате, ты знаешь каком,
с яркой тучей и майским жуком,

у скамьи с полусгнившей доской,
высоко над румянной рекой,

как тогда, в те далекие дни,
улыбнись и лицо отверни,

если душам умершим давно
иногда отлучаться дано.

B. Сирин⁹⁹

⁹⁹ Вошло в кн.: *Набоков В. Стихотворения 1929—1951*. Париж, 1952. Автограф стихотворения с дарственной надписью Зензинову хранится в Amherst college Center for Russian Culture (K. Solntsev Papers).

* * *

1. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

23.VII.<19>41
230 Sequoia ave
Palo Alto
Cal*<ifornia>*

Дорогой друг, Владимир Михайлович,
давненько собирался к вам написать, но сначала меня отвлекало собирание бабочек в пустынях Аризоны и Техаса, а теперь я завален лекционными занятиями¹.

Как вы поживаете? Удалось ли вам теперь, — при этом новом страшном турньюре² событий, — написать ваши финские впечатления и письма?³

Как-то холодно на душе.

Недели три тому назад я писал Алданову⁴, а он мне не ответил, и, зная его щепетильность, боюсь что пропало мое письмо. Правилен ли адресок: 319 w~~est~~ 100 street? Помнится, что в N.York'е я писал ему по этому адресу насчет свидания с Klaus Mann⁵, и он тоже не откликнулся. Между прочим, вот что мне было бы очень важно выяснить (я и Алданова запрашивал): как переслать деньги в Ниццу?⁶ Частным образом, чтобы не терять на курсе. Хочу послать 50 долл. и хотелось бы — через надежное лицо. Не знаете ли вы кого-нибудь? Или Керенский⁷ знает? С Тумаркиным⁸ у моей кузины Шаховской⁹ вышла какая-то невязка, — потому предпочел бы я кого-нибудь другого. А главное, это становится чрезвычайно смешно ввиду полит-*ического* положения.

Живем мы здесь по-старосвитски. Наняли домик, Митя ¹⁰ жарит на велосипеде. У меня две лекции в день. Продал «New Directions» роман¹¹, который написал по-английски в Париже, когда жили на Этуали, в одной комнате, — писал его на bidet в ванной¹².

Пропасть перевел и прозы и стихов на англ*<ийский>* и написал о паршивых переводчиках в New Republic¹³. Скажем, нужно знакомить студентов с «Шинелью», а перевод первоый — и приходилось заново переводить¹⁴.

Бабочек я собрал дивнейших и продолжаю тут, по конечно-дельникам. Солнце постоянное и пишу нагишом в саду. Вера вам очень кланяется. Есть ли весть от Ильюши? ¹⁵

Обнимаю вас, дорогой. Напишите, пожалуйста.

Vash V. Nabokov

2. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

*373 Централ Парк Вест
Нью-Йорк, 8 августа 1941*

Милый Владимир Владимирович,

простите меня грешного, что я столько времени не отвечал на Ваше письмо! И оправданий-то никаких не имею. Это тем более безобразно с моей стороны, что в Вашем письме был запрос о посылке денег во Францию. Деньги можно переслать через Н. Д. Авксентьева¹ (Литературный фонд)², который делает это довольно часто и по наиболее выгодному курсу. Можете написать прямо ему.

Вы спрашиваете об Ильюше. Весть о нем есть — он арестован в Париже! Но есть много оснований предполагать, что арестован он в первые дни после³ войны между большевиками и немцами и что, вероятно, это произошло в общем порядке, когда контролировали всех русских. Весть эта пришла от одной его родственницы из Марселя — «дядя Ильюша заболел, и о нем нет никаких известий». Но позднее получены были сведения, что он и Одинец⁴ находятся в немецком лагере в очень хороших условиях. Вы знаете, вероятно, что его виза заморожена (с 1 июля). Вашингтон ввел новые почти запретительные ограничения, но, как я вчера выяснил, на этих днях за все эти замороженные визы (126 человек!) в Вашингтоне будет хлопотать Грин, председатель Американской Федерации Труда⁵, который вообще для всех социалов доставал визы. И нет сомнений, что эта виза будет разморожена. Как только это станет известно, приму меры к тому, чтобы официальное извещение ему было переслано от американского консула из Марселя в Париж. Кажется, к этому имеются возможности. И, быть может, теперь (после ареста!) у него явится больше желания покинуть Европу.

Завтра с Авксентьевыми еду к Карповичу⁶ в Вермонт в гости на одну неделю. Вернемся 16-го. Затем сейчас же еду в гости недели на две с Струнским⁷ на их виллу (Коннектикут) — они как раз уезжают и предоставляют виллу (с кухаркой!) в мое

распоряжение. Я там уже гостила два дня. Приезжал туда и А^{<лександр>} Ф^{<едорович>} с женой⁸, и мы играли в крокет (последний раз я играла 46 лет тому назад — когда был гимналистом) — честное слово, не вру. На будущей неделе А^{<лександр>} Ф^{<едорович>} с женой тоже приезжают на два месяца туда же — сняли в одной миле от Струнских коттедж.

Мои личные дела все же хороши, как и раньше: ничего не выходит! Но зато как все благожелательны! Это именно об Америке сказано, что она вымощена благими пожеланиями.

На Ваше новое слово — «конечнедельник» я, разумеется, обратил внимание. А я на днях в одной шанхайской русской газете нашел новых два слова — «воролюди» и «ворошляпы», т. е. похитители людей и шляп!

Удивляюсь, что М^{<арк>} А^{<лександрович>} Вам не ответил — Ваш адрес правилен. Сейчас он с женой уехал на дачу в Бельмонт (Нью-Джерсей), где живут и Вишняки⁹.

Не думайте, что мы здесь ничего не делаем. Собираемся, обсуждаем вопрос о русской ежедневной газете, еженедельной, о создании информационного бюро на английском языке о России, о слушании советского радио и о ряде еще других проектов. А вдруг что-нибудь и выйдет?

Спасибо Вам за письмо, не забывайте меня совсем. Желаю Вам поймать как можно больше самых интересных бабочек.

3. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

230, *Sequoia ave.*

<Пало Алто. Август 1941 г.>

Дорогой Владимир Михайлович,

только что получил ваше милое письмо. Очень меня взволновала весть об Ильюше — но может быть, вы правы — его будет теперь легче вызволить. Кроме того — меня также сильно волнует и мучит (и потому так спешу с ответом) судьба еще трех человек во Франции; самый близкий из них — кузина жены, Анна Лазаревна Фейгин (Anna Feigin)¹ тоже попала с визой в такое же положение, как Ильюша. Все у нее было готово и подано — и она только ждала вызова в консульство, когда ввели новый закон.

Мы оба с женой страшно просим вас, — если это только каким-либо образом выполнимо, — чтобы тот, кто будет хлопотать за 126 замороженных виз, похлопотал бы за 127-ю. На всякий случай сообщаю ее адрес: 43, rue Rossini, Nice.

Алданов мне написал². Я уже скоро покину эти места — а именно 1 сентября. Месяц проведу еще не знаю где, а уже 1-го октября засяду в Wellesley³ (до этого, вероятно, мелькну через New York, куда, впрочем, буду довольно аккуратно приезжать по энтомологическим делам).

Очень все-таки надеюсь, что «благие помыслы» ваши осуществляются. Обнимаю вас, дорогой друг, хотелось бы вам еще написать, но рука ноет от бесчисленных здешних моих писаний.

Vash V. Nabokov

4. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

2.1.<19>42
19 Appleby Rd.
Wellesley

Дорогой друг, Владимир Михайлович,
желаем вам самого лучшего в Новом году. Как вы поживаете? Очень я соскучился по вас. Струнская мне писала, что очень удачно подвигается ваша книга.

Есть ли известия от Ильюши?

Вот Вишняк¹ будет в Бостоне — не будете ли вы тоже здесь выступать в этом году?

Обнимаю вас, напишите.

Vash V. Nabokov

5. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

Флорида, Южная Каролайна
1-X-<19>42

Бог простит — а вот г-н Камышников¹ едва ли...
Обнимаю вас.

Vash V. Nabokov

Пишу вам, дорогой Владимир Михайлович, биксом² скатываясь во Флориду (такая игра). Собираю бабочек и читаю лекции в различных южных университетах, громя писателей-середнячков³.

6. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

28 апреля 1944. Нью-Йорк

Милый Владимир Владимирович,
спасибо за привет, который мне от Вас передала В. И. Руднева¹. Был рад услышать о Вас, В^{ера} И^{вановна} говорила также о Вашем намерении приехать в Нью-Йорк и устроить вечер. Очень рад этому и приветствую Ваше намерение. С удовольствием, если хотите, сделаю все необходимое, чтобы помочь устроить этот вечер. Посовещавшись с друзьями, я пришел к заключению, что всего лучше было бы устроить такой вечер в клубе «Горизонт»², так как кроме обычной публики, которая придет после газетных объявлений, будет и публика «Горизонта». Помещение хорошее. Я УСЛОВНО уже говорил с «Горизонтом», и они с удовольствием предоставят Вам свою залу бесплатно, взяв лишь за связанные с освещением и уборкой расходы, что они считают в 20 долларов. Дешевле этого, конечно, нигде в другом месте помещения найти не удастся. Если Вы согласны на это и на то, чтобы я посодействовал Вам в этом направлении, нужно, чтобы Вы мне ответили в спешном порядке, когда Вы сможете приехать, на какой день можно будет назначить Ваш вечер и, если возможно, программу вечера — что будете читать. Думаю, что публики будет много и удастся собрать приличную сумму для Вас — конечно, трудно заранее все предвидеть. Во всяком случае, здесь имеется немало лиц, которые согласятся распространять билеты — кое с кем я уже говорил и заручился согласием. Поклонников и поклонниц у Вас много, и здесь многие выразили большое удовольствие, что, быть может, Ваш вечер состоится в ближайшее время. Я могу также переговорить и с «Новым русским словом»³, чтобы они на возможно выгодных для Вас условиях дали публикации и помещали заметки.

Итак, жду от Вас ответа!

7. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Уэльслей?> 2.V.<19>44

Дорогой Владимир Михайлович.

Во-первых, страшно был рад получить от Вас письмо, страшно жалею, что так мало и редко доводится Вас видеть — но всегда о Вас помню, люблю, держу в красном углу души.

Меня очень соблазняет воскрешенная Верой Ивановной мысль устроить русский вечер в Нью-Йорке. Мне было бы удобнее всего читать в субботу 27-го мая, если Вы эту дату одобряете. 25-го я должен говорить в Корнеле, и таким образом, вместо двух поездок получилось бы только полторы. Зал в «Горизонте», цена, несколько объявлений в газете — все это я вполне приемлю. Буду читать прозу и стихи, точнее сейчас не могу сказать, т. к. еще не продумал и не подобрал.

Вот еще какая у меня мечта: я давно ношуясь с мыслью напечатать отдельным изданием «Дар»¹ и, хотя я знаю, что Вы не одобряете одной из его главок, уверен, что это не помешает Вам пособить в следующем. Не пристегнуть ли к объявлению о вечере в газете — объявление об открытии подписки на «Дар», с оговоркой, что деньги будут сохраняться в редакции «Нового журнала»² или другом нейтральном месте и будут возвращены подписчикам, если подписка не покроет расходов по изданию?

Главное затруднение для меня в том, что не знаю, ни сколько нужно собрать, ни какую цену назначить. Книжка будет страниц 400 с гаком, но это хорошее русское дело. Вот.

Обнимаю Вас, дорогой. Вера шлет привет.

Vash V. Nabokov

8. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

Нью-Йорк. 8 мая 1944

Дорогой Владимир Владимирович,
я задержал залу «Горизонта» для Вашего вечера на 27 мая, субботу. Как я уже писал, это будет стоить 20 долларов (освещение и уборка). Со специалистами и специалистками этого дела поговорю о том, как поставить предварительное распространение билетов. Для привлечения публики было бы желательно, чтобы Вы как можно скорее сообщили мне — по-занимательнее! — что именно Вы предполагаете на вечере читать, можно было бы тогда уже начать помещать заметки в газете.

Что касается издания Вами «Дара», то ауспции¹ на это плохие — это не только мое мнение. Думают, что книга не разойдется более 200 экземпляров, т. е. нельзя рассчитывать и на покрытие расходов. Кроме того, все типографии сейчас перегружены работой и в кредит ничего печатать не будут — таким образом надо будет одновременно или почти одновре-

менно затратить 1000—1500 долларов без надежды их возвестить даже в течение года. Возможно, что в этом пессимистическом² распондерабилия и импондерабилия³. Советовался я по этому поводу с М. А. Алдановым и М. О. Цетлиным⁴, который как раз сейчас выпускает свою книжку о «Могучей кучке»⁵. Я подробнее расспрошу его, что дала ему предварительная подпись, которую он объявил. Все это надо будет учесть.

9. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

<Нью-Йорк. Май (не ранее 8, не позднее 12) 1944 г.>

Дорогой Владимир Владимирович,

для Вашего вечера необходимо выпустить билеты для предварительной продажи. Посылаю Вам проект — сделайте в нем все необходимые, с Вашей точки зрения, поправки и верните «с обратной почтой» мне, надо торопиться. Участие М. А. Алданова, по мнению многих, привлечет добавочную публику, кроме того, надо немного рассиропить главного героя, чтобы он не слишком надоел публике — это относится не к Вам, конечно, а вообще к героям вечера. Не выдайте меня Марку Александровичу. Когда я ему это предложил, он меня спросил: «Это желание Владимира Владимировича?» Я ему ответил: «Да». ТОЛЬКО после этого он в ПРИНЦИПЕ согласился и дал согласие на то, чтобы это поставить на билете¹. Но он сейчас ждет вызова в Канаду (по своим визовым делам) — это может произойти в любой день. И в Канаде он предполагал задержаться. Таким образом, может оказаться, что 27 мая его не будет в Нью-Йорке — это теперь не от него будет зависеть. Но он дал обещание в таком случае написать о Вас статью в «Н_овом р_{ус}ском слове» — в день Вашего вечера или накануне.

Некоторые говорили, что надо пустить один музыкальный номер (например, рояль хороший) — я решительно против музыки. А как Вы?

Все указывают на то, чтобы Ваши выступления — в двух частях — были как можно разнообразнее и небольшими кусками. Вдруг Вы закатите «Дар» на 50 минут! Публику надо жалеть.

Простите за все написанное — но все это продиктовано только любовью к Вам. Вуаля!²

Для предварительного распространения Ваших билетов я постараюсь мобилизовать отряд Ваших поклонниц — есть такие.

10. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Уэльслей?> 12 мая 1944

Дорогой Владимир Михайлович.

Подписываюсь подо всеми Вашими мерами и очень благодарю, что передали мою просьбу милому Марку Александровичу. Но — предупреждаю Вас: если где-либо по близости будет рояль или какая-либо другая музыка, я надеваю галоши и ухожу.

Все шлем Вам сердечный привет.

Vash V. Nabokov

(простите, что карандашом—
чернил нет)

11. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

Нью-Йорк, 15 мая 1944

Рапорт.

Два дня тому назад на меня напали Б. М. Авксентьева¹ и В. И. Руднева. — «Нельзя, — говорили они, — устраивать вечер 27-го мая. Это — суббота, во вторник, 30 мая, большой американский праздник — «декорэшон дэй». По традиции на этот день все уезжают за город, и в этом году праздник начнется в субботу, если не в пятницу вечером». — Я отнесся к этому предупреждению скептически, но сегодня утром — в 7.30 утра! — мне протелефонировала Вера Ивановна. «Я рассчитывала распространить 12 билетов — вчера пятеро из тех, на кого я рассчитывала, заявили, что уезжают 26-го вечером на несколько дней из города. Вечер надо отложить». — А в 9 часов утра телефонировала Мария Самойловна², — «Вечер надо перенести на осень. Кого я ни спрашивала, все говорили, что уезжают на эти дни из города. Да и мы сами уезжаем».

Все это меня очень смущило. По-видимому, действительно, нельзя 27-го устраивать Ваш вечер. А я уже сегодня утром хотел заказать напечатать билеты. Отложил и решил предварительно написать Вам и выждать Ваше решение. Мария Самойловна и Вера Ивановна были моей главной опорой в деле распространения билетов. Есть много опасений, что, несмотря на большой интерес к Вашему вечеру — это я установил вполне

определенно, публика может не прийти — «все», действительно, на эти дни уедут из города.

Поэтому я пока все действия приостановил и буду ждать от Вас либо письменного, либо телеграфного решения. Лично я теперь тоже за перенос вечера на осень.

Если Вам спешно нужны деньги, Литературный фонд может Вам выслать 100 долларов — это меня просил Вам написать Марк Александрович, который состоит в правлении Л^и-тературного ф^{онда}.

12. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Уэльслей?> 18 мая <19>44 г.

Дорогой Владимир Михайлович,
что же делать — не выходит так не выходит.

Почему только сразу откладывать на осень, а не на несколько дней? Впрочем, всецело полагаюсь на Вас.

В этом году у меня особенно мало денег; между тем мне предстоят добавочные и неизбежные расходы. Поэтому очень приветствую мысль Марка Александровича, но хотелось бы ее удвоить и очень прошу мне прислать не сто, а двести долларов. Я перехожу на положение Бунина до-Нобелевского периода.

Вы мне все-таки не сообщили Вашего телефона.

Страшно благодарю Вас, дорогой, за все хлопоты и крепко обнимаю Вас.

Vash B. Nabokov

13. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

Нью-Йорк, 22 мая 1944

Дорогой Владимир Владимирович,
простите за неаккуратность — вот уже несколько дней прошло со времени получения Вашего письма (без даты!), а я до сих пор не ответил. По единодушному мнению всех специалистов и особенно специалисток по устройству вечера, Вам вечер следует устроить не теперь, а осенью: сейчас люди перестали посещать лекции, всеми овладело весеннее настроение, близшие лучшие дни все расписаны (противоречие!). Говорят это лица, искренне к Вам расположенные и желающие, чтобы зала была переполнена на Вашем чтении — поэтому все советуют перенести вечер на октябрь.

Я подчинился этому настроению — вот почему и не торопился с ответом. Весьма сожалею, что так вышло, но, в сущности, никто не может доказать, что перенос Вашего чтения на осень — правильное решение. Простите, если невольно обманул Ваши надежды. Должен, впрочем, сознаться, что, по дополнительным сведениям, действительно, 27-го мая вечер устроить было невозможно — уже 26-го начнется «исход»...

14. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

Нью-Йорк, 24 мая 1944

Дорогой Владимир Владимирович,
посылаю Вам чек на 200 долларов от правления Литературного Фонда, который мне передали сегодня для пересылки Вам. Решение было принято «единогласно и без обсуждения», как мне сообщили лица, участвовавшие в заседании. Они просят, чтобы Вы прислали расписку в получении на имя Комитета Литературного фонда — для отчетности. Можете ее послать или непосредственно М. А. Алданову, или через меня¹.

15. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

*<Уэльслей?>
28 мая 1944 г.*

Дорогой Владимир Михайлович,
не обращайте внимания на заголовки¹ — просто не оказалось другой бумаги под пальцами. Большое спасибо Вам и обществу за чек. Прилагаю расписку².

По дороге из Корнеля в New York³ я спросонок высадился в Ньюарке вместо Нью-Йорка и затем в каком-то мутном кошмаре добирался местными поездами до места назначения. Вот почему никому не успел позвонить.

Нельзя ли применить какие-нибудь меры общественной безопасности, дабы приостановить печатание в «Новом русском слове» невозможной и неприличной пошлятины Ивана Новикова — о жизни Пушкина?⁴

Обнимаю Вас, дорогой. Жена шлет привет.

Vash V. Nabokov

16. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

8. Craigie Circle
Cambridge, Mass<achusetts>. 11-го декабря 1944

Дорогой друг Владимир Михайлович.

Пишу Вам по следующему делу. Согласились бы Вы преподавать русский язык в течение полутора летних месяцев (июль и август, около восьми недель), предположительно пять раз в неделю, в Саммер Скул¹ Уэлльслейского университета? Предлагают они за это 250 долларов. Условия работы и люди очень приятные, прекрасное озеро, здоровый домашний стол (о котором Вам самому придется заботиться).

Ответьте мне, пожалуйста, немедленно, хотите ли Вы. Тогда они Вам напишут. Группа предполагается маленькая. Не студенты, взрослые люди.

Не хочу верить известиям, появившимся в нью-йоркской газете насчет Ильюши². Есть ли у Вас какие-нибудь сведения?

Обнимаю Вас. Жена и сын шлют привет.

B. Nabokov

17. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

Нью-Йорк, 15 декабря 1944

Милый Владимир Владимирович,

спасибо Вам за предложение и за память. Но по целому ряду причин боюсь взять на себя обязательство с таким дальним прицелом. Поэтому должен воздержаться.

Что касается Ильюши, то, по-видимому, в достоверности этого сообщения сомневаться не приходится — сообщение это пришло из 4—5 различных источников из Франции. Расхождение только по вопросу — куда увезен: в Германию или Польшу? Большинство указывают на Германию... В этом еще какая-то смутная надежда.

18. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

Нью-Йорк, 8 февраля 1945

Дорогой Владимир Владимирович,

давно уже собираюсь написать Вам письмо. Когда я сообщил Александру Федоровичу перед его отъездом на гастроли

(он уехал на два месяца читать лекции на Западе) о том, что Вы в свое время передали мне предложение преподавать русский язык в летние месяцы в Уэльслей, а я отказался — он стал меня ругать и уверять, что летом я обязательно без этого умру с голода. Хотя я в этом и не совсем уверен, тем не менее подумал, что, в самом деле, не имею права от такого предложения отказываться. И тогда же дал ему обещание написать Вам снова. С тех пор прошло уже несколько недель, но все же я пишу Вам об этом. Всего вероятнее, конечно, что я уже преворонил эту возможность и Уэльслей нашел другого кандидата. Но все же я Вам об этом пишу: если еще не поздно и если это для Вас вполне удобно, передайте, пожалуйста, что я буду рад это предложение принять. Только ради Бога — никаких особых хлопот: да — да, нет — нет.

В свое время я Вам послал в презент свою книгу «Встреча с Россией» и был бы очень рад услышать Ваше мнение и узнать Ваши впечатления от этого материала. Мне очень, очень интересно именно Ваше мнение. Отовсюду получаю хорошие отзывы — только одно ругательное письмо, конечно — анонимное. И знаете, какой успех?! Книга вышла 11 января, т. е. не прошло еще и одного месяца, а у меня по сегодняшний день разошлось уже 246 экземпляров. ДВЕСТИ СОРОК ШЕСТЬ! Очень этим горжусь.

19. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Уэльслей?> II—1945

Дорогой Владимир Михайлович,
я провел полтора дня в New York'e, но приехал больной, едва мог двигаться от сильнейшей невралгической боли в боку на основании гриппа — так что не мог повидать друзей, а вернувшись, залег в постель на неделю.

Страшно благодарю вас за книгу. Я прочел ее от доски до доски и оценил огромный труд и огромную любовь, которые вы положили и проявили в ее составлении.

Мрачна и скучна и нестерпимо несчастна Россия, отражаемая в этих патетических караулях, и как вы сами правильно отмечаете, ничего, ничего не изменилось — и те же солдатки шалели от того же голода и горя пятьсот лет тому назад, и тот же гнет, и те же голопузые дети в грязи, во тьме — за них одних этих мерзостных «вождей народа» — всю эту холодную погань — следовало бы истребить — навсегда.

Я считаю, что эта книга самое ценное из всего, что появилось о России за эти двадцать пять презренных лет¹. И эта «грамотность», которая сводится к механическому употреблению казенного блата («международное положение» и т. д.) и к лакейским стишкам из письмовника — все это мучительно.

Справившись насчет Summer School, я узнал, что вся затея отменена из-за транспортных соображений. Miss ennis, устроительница, очень высокого о вас мнения и говорит, что стремилась повидать вас в New York'e, — и очень была разочарована вашим отказом. Но, как видите, вы ничего не потеряли.

Если вам попадется “New Yorker”, от 1-го марта, прочитайте мою длинную поэму о русской поэзии².

Обнимаю вас, дорогой, жена и Митюша (у которого свинка) шлют привет.

Есть ли какие-либо сведения или хотя бы тень сведений об Ильюше?

Ваш В. Набоков

20. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

Нью-Йорк, 7 марта 1945

Дорогой Владимир Владимирович,

Ваши несколько строчек о моей книге просто осчастливили меня! Просто не могу Вам, дорогой, сказать, как я рад и как я Вам благодарен — в Вашем отзыве для меня ОГРОМНОЕ удовлетворение. Вы и представить себе не можете, с какими жертвами и трудами издавал я в течение двух лет эту книгу — едва ли не очутился на грани уголовщины, и до сих пор еще расплачиваюсь с долгами. Но думаю, что все обойдется благополучно — книга поступила в продажу 11 января, а у меня уже разошлись по сегодняшний день 317 экземпляров! По условиям русского книжного рынка это очень хорошо.

Я слышал и узнал о Вашем приезде и пребывании в Нью-Йорке. И тот факт, что Вы о себе не дали знать, заставил меня, по правде говоря, покоситься на Вас. Но только покоситься! Но после Вашего письма и это прошло, чему очень рад.

Об Ильюше никаких новых сведений нет — все только одни слухи. Я уже многих о нем запрашивал — запросы направлял в Париж, пока ответов не имею. А сегодняшнее сообщение в «Н^{овом} Р^{усском} Слове» читали — о посещении Маклаковым¹ и К² советского посольства в Париже и о наставлении и вразумлении Богомолова?³ Есть от чего в раж прийти!

Обнимаю Вас — спасибо и спасибо!

21. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

17-III-1945
8 Craigie Circle
<Cambridge, Massachusetts>

Дорогой Владимир Михайлович,

в историческом смысле это явление очаровательное, в человеческом же отношении оно позывает на рвоту. Я говорю об этом завтраке а ля фуршет в Париже.

Я могу понять отказ от принципов в одном исключительном случае: если бы мне сказали, что самых мне близких людей замучат или пощадят в зависимости от моего ответа, я бы немедленно пошел на все, на идейное предательство, на подлость, и стал бы любовно прижиматься к пробору на сталинской заднице. Был ли Маклаков поставлен в такое положение? По-видимому, нет.

И вот, выслушав ответную речь, в которой нам сказали, что вас-де, плюгавых подлюг, Советский Союз знать не знает (и поучитесь-ка у киргизов — а там видно будет), мы закусили грибками в сметане.

Остается набросать классификацию эмиграции.

Я различаю пять главных разрядов.

1. Люди обывательского толка, которые невзлюбили большевиков за то, что те у них отобрали землицу, денежки, двенадцать ильфопетровских стульев.

2. Люди, мечтающие о погромах и румянном царе. Эти обретаются теперь с советами, считаю — что чуют в советском союзе Советский союз русского народа.

3. Дураки.

4. Люди, которые попали за границу по инерции, пошлики и карьеристы, которые преследуют только свою выгоду и служат с легким сердцем любым господам.

5. Люди порядочные и свободолюбивые, старая гвардия русской интеллигенции, которая непоколебимо презирает насилие над словом, над мыслью, над правдой.

Облегчив себя таким образом, обнимаю вас, дорогой друг.

Ваш В. Набоков

22. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

Нью-Йорк, 11 июня 1945

Дорогой Владимир Владимирович,

я до сих пор перед Вами в долгу — не ответил на Ваше политическое стихотворение в прозе, которое вы мне направили еще три (!) месяца тому назад, которое мне доставило в свое время высокое наслаждение и которое я усиленно, не буду таить, распространял в качестве потаенной литературы. Но только насчет «грибков в сметане» Вы ошиблись. Как раз сегодня А. И. Коновалов¹ получил письмо от В. А. Маклакова, в котором он подробно описывает этот «завтрак а ля фуршет». Оказывается, ни «завтрака», ни «фуршет» — не было. Они пришли к Богомолову, по словам В. А. Маклакова, в 12 часов и сидели там до 2.30. В конце визита вошел лакей в комнату и разнес на подносе портвейн и сандвичи... В. А. уверяет, что сначала он выпил этот портвейн, а уж после этого Богомолов произнес тост «за Родину, за Красную армию, за Сталина». Никто, кроме адмирала Кедрова², к этому тосту не присоединился и никаким другим тостом Богомолову не ответил — а адмирал Кедров выпил со словами — «за Хозяина!»

Вуаля!

Прилагаю копию письма, полученного мною сегодня от Погоссяна³; он упоминает о своем письме, в котором он «подробно» описывал их визит к Богомолову. Этого письма я не получал.

В своем письме к А. И. Коновалову В. А. Маклаков пеняет всем нам, что мы, лучше их ознакомленные с тем, что происходит в России, не осведомляли их об этом. Это уже похоже на извинения и раскаяние. Лучше, конечно, поздно, чем никогда.

У меня к Вам, милый Владимир Владимирович, просьба. Моя книга «Встреча с Россией» шла хорошо — продано до сих пор мною 406 экземпляров, что считается большой удачей. Но, чтобы покрыть расходы по изданию, мне надо продать еще штук 200—300. А между тем ее распространение почему-то вдруг остановилось. Чтобы подогреть возможных покупателей, я надумал отпечатать листок с отзывами — у меня их накопилось уже много, и есть интересные. Почетное место среди них занимает Ваш отзыв в письме от февраля. Я выписал его на отдельном листочке и был бы вам ОЧЕНЬ признателен, если бы Вы разрешили мне его воспроизвести в предполагаемом листке (если хотите и если надо, сделайте в нем любые изменения, сокращения или добавления — за все буду только благодарен).

Сделаете?

23. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Уэльслей?> 17.VI.<19>45

Дорогой Владимир Михайлович,
спасибо за интересные сведения из Парижа.

Участь И~~льи~~ И~~сидоровича~~ в сущности еще не выяснена, но остатки надежды тают с каждым днем. Пожалуйста, держите меня au courant¹. А вдруг —

Да, конечно, можете использовать этот отрывок (я там упростили одну фразу).

Бросил курить и страдаю, как дурак.
Обнимаю вас, дорогой.

Vаш В. Набоков

Важно: не знаете ли вы адрес Даманской² в Париже?
Сообщите, пожалуйста.

24. В. Е. НАБОКОВА — ЗЕНЗИНОВУ

<Уэльслей?> 25.X.<19>45

Дорогой Владимир Михайлович.

Пишу Вам по Володиной просьбе. Он уже очень давно собирается Вам писать, но каждая минута его уходит на работу, т~~ак~~ ч~~то~~ он почти не успевает сочинять, а письма откладывает без конца.

Первое, что мы оба хотели бы знать, это есть ли известия от Ильи Исидоровича. Мы не хотим и не можем примириться с мыслью, что он исчез. Есть ли надежда, что он оказался на территории, занятой большевиками, и вынужден скрываться? Володя просит Вас также написать все, что Вам известно о людях, с которыми он через И~~лью~~ И~~сидоровича~~ и Вас встречался в Париже. Володя потерял брата в немецком концлагере, в Нейе Гамма под Гамбургом¹. Как он погиб, неизвестно, было сообщено только, что он скончался «от колита». Семье в Европе до сих пор не удалось узнать ничего больше. Существует ли какая-нибудь возможность навести справки отсюда?

Существует ли какая-нибудь возможность что-либо послать в Прагу?² Живя здесь, мы ничего не знаем. На почтамте пакетов не принимают. Мы послали немного денег, курс ужасный. М~~ожет~~ б~~ыть~~, вы ведаете других людей, у которых родные в Чехии, и знаете что-нибудь, чего мы здесь не знаем?

Еще вопрос: Володя прочел в русской газете, что книги и бумаги, реквизированные немцами, возвращают сейчас владельцам. С книгами И~~льи~~ И~~сидоровича~~ была, вероятно, забрана корзина Володиных книг и манускриптов, стоявшая у И~~льи~~ И~~сидоровича~~ в подвале. Если кто-нибудь из друзей или родственников И~~льи~~ И~~сидоровича~~ хлопочет о возвращении его библиотеки, то возможно, что эта корзина найдется. Он бы не так интересовался этим, если бы не полная невозможность доставать здесь его старые издания, так что когда просят книги для других стран для переводов, приходится отвечать: ищите сами.

Последнее, что хочу вас спросить, это о возможностях издания «Дара». Мы хотим его напечатать сами. Если возможно, напишите, пожалуйста, на основании опыта с Вашей книгой, как это делать, т. е. в какую типографию обратиться, как быть с бумагой, когда нужно платить и сколько должно стоить напечатать, сброшюровать и т. д. Я никогда этим не занималась, и всякий совет будет помошью.

Напишите нам, как Вы живете, продолжаете ли преподавать русский, собираетесь ли во Францию или думаете остаться здесь. Володя продолжает уроки в Уэльзли Колледж, где у него теперь 2 группы студенток, а остальное время работает в музее³. Ни его, ни Мити Вы бы не узнали, ибо второй ростом с меня, а первый — прибавил тридцать пять фунтов.

С сердечным приветом.

Вера Набокова.

25. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВЫМ

<Нью-Йорк> 27 марта 1946

Дорогие Вера Евсеевна и Владимир Владимирович,
чувствую себя очень виноватым перед Вами обоими и не знаю,
удастся ли мне когда — на этом или на том свете — замолить мои
прегрешения. Очень давно — несколько месяцев тому назад! —
я получил письмо от Веры Евсеевны с рядом вопросов и честно
собирался на него ответить. Но потом письмо куда-то затерялось,
и это событие заросло травой забвения. Не подумайте, что я пытаюсь
оправдаться — оправдаться я не могу. В числе заданных мне
вопросов помню один: как навести справки о находящемся в Герма-
нии брате Владимира Владимировича¹? И вот не так давно в пачке
писем, переданных мне для ознакомления Давидом Натаевичем
Шубом² (одним из редакционных сотрудников еврейского «Фор-

вертса»³ — кажется, Вы его знаете, Владимир Владимирович), я нашел несколько строк, которые ниже выписываю целиком:

Berlin, November 4, 1945.

...I know that you are interested mainly in the Russians and in what happens under the Russians... I asked Nabokov what was the Soviet reaction when they heard his name. He said that in most it was this: « , Nabokov, eto bolshoye imya» and they treat him with great respect. He even met a Soviet playwright, a Mayor Scheglov whom he knew from prerevolutionary school days, who also was quite warm toward him. Not all the Soviet officers recognize his name of course. ne of them said: «Nabokov, oh yes, a famous bassoon player»⁴.

Письма эти написаны сыном Д. Н. Шуба — Борисом Шубом⁵, который в качестве сержанта американской армии давно уже находится в Европе и по делам службы много ездит по Германии и Австрии. Я попросил Давида Натановича объяснить эти фразы, и он рассказал, что Борис встретился в Берлине с Вашим братом (кажется, тоже военным?), с которым проводил много времени вместе и, кажется, даже путешествовал вместе⁶.

Вот все, что я знаю. Борис сейчас находится уже во Франции и, кажется, скоро вернется со службы домой, в Нью-Йорк, где находится его семья. Я знаю, что отец с ним все время в переписке, и потому на всякий случай сообщаю его адрес, если вы хотите запросить подробности или списаться с Борисом. Вот этот адрес:

Mr. D. Shub — 920 Riverside Drive, Apt. 43, New York 32.

Помню еще, что Вера Евсеевна спрашивала об Ильюше. Ничего определенного я до сих пор о нем не знаю. Знаю только, что все оставшиеся в живых из увезенных немцами так или иначе дали о себе знать. От Ильюши же нет никаких вестей. Значит... В разные фантастические слухи («говорил по советскому радио» и пр.) я не верю.

Давно НИЧЕГО РЕШИТЕЛЬНО не знаю о Вас, дорогой Владимир Владимирович. Не берите с меня примера — напишите о себе хотя бы несколько строчек. «Когда же Вы нас порадуете новым произведением?» Неужели насекомые Вас целиком съели? Говорят, Вы сделались американским гражданином⁷ и полстели. Правда ли это?

Знаете ли Вы, что Александр Федорович увез свою больную жену в Австралию? Она уже отсюда уехала приговоренной к смерти. А сегодня мне сообщили, что от него было письмо от 16 марта, что она безнадежна и большую частью находится даже

без сознания. Развязка, очевидно, близка. У нее было что-то серьезное с почками и сердцем — говорили, что два члена ее семьи умерли от такой же болезни⁸.

Я живу благополучно — старею, но не чувствую этого. Собираетесь ли Вы когда-нибудь в Нью-Йорк?

26. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Уэльслей?> 11-го января 1948 г.

Дорогой друг,

прежде всего простите, что так долго не отвечал. Всей семьей благодарим за добрые пожелания и желаем Вам тоже всевозможных новогодних радостей.

Меня очень привлекает Ваше предложение выступить у Вас, но я должен — с грустью — просить Вас отложить на время этот план: завален работой! Напишу Вам заблаговременно, если наметится возможность приехать.

Позвольте приложить — отнюдь не в виде новогоднего подарка — небольшой чек на «За свободу»¹.

Искренне Ваш

B. Набоков

27. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Уэльслей?> 18.VI.1948.

Дорогой мой Владимир Михайлович,

вот какая идея мне пришла в голову: не взять ли сюда все бумаги, книги и т. п., и смешавшиеся и попавшие к госпоже Симон¹ на чердак? Получив все сюда, мы с Вами разобрались бы в них здесь, и если бы среди них оказалось чужое, могли бы когда-нибудь переправить его обратно. Дело в том, что служащие United Nations, которые поедут в Париж, могут привезти с собой что хотят даром, — говорят.

М^{<ожет>} б^{<ыть>}, Терентьев² или кто-нибудь другой согласился бы включить в свой багаж те два-три ящика, в которые вещи, застрявшие у Симон, вероятно, поместились бы. Можно бы тогда попросить ее нанять кого-нибудь для того, чтобы их уложить. Известно ли Вам, сколько там всего? Во сколько ящиков войдет? Если Вам этот план покажется разумным, давайте поспешим с его осуществлением, т. к. это ведь редкий случай, который жалко пропустить.

С глубоким волнением прочитал, дорогой, Вашу замечательную, трогательную статью об Ильюше³.

Обнимаю Вас. Вера и Митюша шлют привет.

Ваш толстый американский друг

B. Nabokov

Я надеюсь получить от Вас ответ очень скоро и, значит, еще сюда. А после 1-го мой адрес будет: 957 East State Street, Ithaca, NY. Буду там профессором в Корнеле⁴.

28. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

<Нью-Йорк> 28 июня 1948

Милый Владимир Владимирович,
простите, задержался с ответом. Разумеется, на Ваш план я согласен. Пишу об этом сестре Ильюши (матери Наташи, т. е. м~~адам~~ Симон). М~~ожет~~ б~~ыть~~, из этого что-нибудь и выйдет. Если от нее придет согласие, поговорю здесь с Терентьевым и попрошу его помочь нам. Как только получу ответ из Парижа, сообщу его Вам в Итаку. Почему бы сестре Ильюши¹ не согласиться — это только поможет ей разгрузиться от лишних вещей, постараюсь ей это внушить.

Желаю Вам на новом месте всего доброго. Там, говорят, чудесно!

29. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

*10 Января 194<9> г.¹
802, E. Seneca
Ithaca, N~~ew~~ Y~~ork~~.*

Дорогой мой Владимир Михайлович,
я только что получил престранное известие: будто бы некий г. Солнцев², журналист, бывший раньше при Мельгунове³, а теперь находящийся в Нью-Йорке, имеет у себя целую пачку моих писем к матери. Он мог их достать только из той части моих бумаг, которая находилась в квартире Ильи Исидоровича. Боюсь, что следовательно и остальные мои бумаги (да вероятно и Ваши), личные письма, манускрипты — «ходят по рукам».

Не знаю, удалось ли Вам организовать переправку этого нашего общего с Вами архива, сваленного на чердаке у пле-

мянницы И~~льи~~ И~~сидоровича~~, сюда через посредство кого-либо из служащих U~~nited~~ N~~ations~~. Но если нет, давайте как-нибудь организовывать эту пересылку за собственный счет. Пожалуйста, давайте сделаем это, не откладывая!

Не знаете ли Вы этого самого Солнцева? Нельзя ли достать его адрес?

С удовольствием читали о Вашей роли в деле умыкания раскаявшихся советчиков.

Желаю Вам, дорогой, счастливого Нового года.

Вера присоединяет свои пожелания.

Жду с нетерпением от Вас ответа. Жму руку и шлю привет.

Vаш В. Набоков

30. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

<Нью-Йорк> 15 января 1949

Дорогой Владимир Владимирович,

Константина Ивановича Солнцева я довольно хорошо знаю. Знаю еще по Парижу, а недавно видел и здесь — он оттуда сюда приехал. Это коллекционер всевозможного архивного материала и книг. Был также и у Раисы Исидоровны Лебедевой в Париже и ее дочери — Наташи. Он мне говорил, что у Раисы Исидоровны где-то в чулане или подвале — вместе с углем и дровами — свалены Ваши и мои книжные и литературные архивы. Она в суматохе и беспорядочности парижской жизни никак не может в них разобраться, хотя и собирается вот уже несколько лет. Но о Ваших письмах к матери он мне ничего не говорил. Я его только что об этом запросил и на всякий случай сообщил ему Ваш адрес, посоветовав списаться с Вами об этом непосредственно¹.

В свою очередь Вам сообщаю его адрес. Это человек вполне приличный — страстный коллекционер и любитель книги. Я советую Вам написать на эту тему письмо Раисе Исидоровне и Наташе, пришлите это письмо мне, я добавлю и свою просьбу, предложим им покрыть все связанные с разборкой и пересылкой расходы, сорганизуем отсюда эту пересылку — и этим, думаю, мы добьемся, что дело будет сдвинуто с мертвой точки. Вот адреса Солнцева и Раисы Исидоровны: с. Solntzev — с/o Cherno, 43 — 19, 57 str., Woodside, L. L., Mrs Ida Lebedev — 22, Rue de Civry, Paris XVI.

Теперь совсем по другому вопросу. Как вы относитесь к тому, чтобы приехать в Нью-Йорк (время выберите сами) для выступления на «Пушкинском вечере»? Его можно устроить либо от имени Литературного фонда, либо от имени общества «Надежда»², и должен этот вечер состоять только из одного Вашего выступления — речь о Пушкине и чтение его стихов. Или, быть может, — «Петербург и Пушкин» с чтением и Ваших стихов об этом (эта идея Елены Ивановны). Заинтересованы ли будете при этом материально или же сбор с вечера может поступить на общественные нужды Фонда или «Надежды» или Фонда и «Надежды»? Многие при разговорах на эту тему выражали желание послушать Вас здесь. И Вы бы проветрились в столице, и мы бы все Вас повидали. Соскучились!

Был бы рад узнать Вашу на это «реакцию».

Как только получу от Солнцева ответ на свой запрос о Ваших письмах, напишу Вам. Раиса Исидоровна писала М. В. Вишняку, что Солнцев хотел перед своим отъездом зайти к ней и взять от нее что-то для меня, но не зашел — не успел, как он мне объяснил.

16 января

Уже после того как это написал, узнал, что здешний Юридический кружок³ обратился к Вам с просьбой выступить у них на вечере о Пушкине. Вот так фунт! Ле бо зеспри се ран-контр!⁴ Как-то Вы теперь вывернетесь?!

31. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

*V. Nabokov
802 E. Seneca Street
Ithaca, N_{ew} Y_{ork}.
21 января 1949 г.*

Дорогой друг Владимир Михайлович,

я очень искренне жалею, что не могу исполнить Вашу просьбу: выступить с докладом о Пушкине по-русски (по-английски мне это было бы легко, т. к. все время читаю лекции). Причина, которую я объяснил по телефону Гольденвейзеру¹ в ответ на его приглашение, вот какая: для того, чтобы подготовить доклад по-русски, мне пришлось бы работать не менее двух недель. Между тем у меня есть масса готового литературного материала в голове, работать над которым я не успеваю из-за того, что много времени уходит на преподавательскую деятельность. Писать же мне хочется очень, и отнять у себя

сейчас две недели на другое я просто не могу, да и Вы бы этого, я знаю, не хотели.

Если бы Вы меня попросили прочитать что-нибудь из уже написанного моего собственного, это было бы мне значительно легче.

Я по Вас тоже соскучился, и мы оба с женой были бы очень рады, если бы Вы к нам сюда приехали. Мы, против воли, оказались нанимателями довольно большого дома. Одну комнату нам позволили сдать, но и после этого у нас довольно много места. Можем Вас принять вполне комфортабельно в комнате Митюши, который сейчас в школе. Приедете?

Спасибо за Ваши действия касательно Солнцева. Я уже получил от него довольно несуразное письмо, из которого я так и не понял, почему он часть бумаг (Ваших, моих и др.) перетащил к себе. Он утешает меня, что года через два-три, когда разбогатеет, все сюда перевезет. Чудак!²

Прилагаю письмо для Р. И. Лебедевой. Я не включил обращения к ее дочери, т. к. не знаю ее отчества. Может быть, Вы это от себя добавите. Это и есть М^{ада}м Симон? Или бумаги перешли от М^{ада}м С^{имон} к Лебедевой?

Во всяком случае надеюсь, что нам удастся получить хоть то, что уцелело.

Обнимаю Вас, дорогой. Вера шлет привет.

B. Набоков

Посылаю Вам на прочтение письмо Солнцева, которое верните мне при случае. Как видите, у него целый подотдел Вашего архива, с примесью моего. Но разве у Вас было столько тонн?

32. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Итака> 8 March 1949

Dorogoy drug Vladimir Michaylovich,
prostite, chto pishu po Angliyski, russkaya mashinka boleet¹.
I could give a reading at your Club on the 16th, 17th, 18th, 23rd,
24th or 25th of April.

I could only offer poetry and a short prose fragment.

The whole thing would take about an hour and twenty minutes plus a short intermission. If you think it might add to the interest of the recital, I could throw in a poem about Russian matters in English.

I wish I could do it darom, but I have had too many heavy expenses this year, could you pay me fifty dollars to cover my expenses?²

Budu strashno rad vas povidat'. Vash

V. N.³

33. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

Goldwin Smith Hall

Ithaca, New York

<Не позднее 22 марта 1949 г. >

Дорогой Владимир Михайлович,

я задним умом крепок и ужасно плохо соображаю у телефона. Подумав, я пришел к выводу, что Страстная суббота — плохой день для выступления. Мне кажется, что таким образом, weekend 16-го и 17-го отпадает. Почему не устроить в субботу 23-го? Или: 7-го мая?

Я не предлагаю weekend'a вокруг 1-го мая, т. к. предполагаю, что многие разъезжаются. Если это не так, то ничего не имею против субботы 30-го апреля.

Насчет названия: пожалуйста, просто вечер В. Набокова (Сирена). Стихи и комментарии.

Обнимаю Вас.

Vash V. Nabokov

P. S. Была ли какая-либо реакция от г-жи Симон на наше письмо?

34. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

Нью-Йорк. 29 марта 1949

Дорогой Владимир Владимирович.

Судьба Ваша решена — 7 мая! Итак:

Вечер такого-то.

Стихи и комментарии (м. б. лучше — комментарии к ним?). Помещение снято. Ради Бога, больше не меняйте!

35. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Итака> 31 March 1949¹

Dorogoy Vladimir Michaylovich².

Splendid. The seventh of may is a most convenient day. I think the title should be simply «Stichi i commentarii»³. Thanks for all the trouble you are taking in fixing a suitable date.

Yours V. Nabokov⁴

36. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Итака> 2.4.<19>49.

Dorogoy Vladimir Michaylovich,

Pozhaluy ya deistvitelno prochtu rasskazetz (krome stikhov) — leta k surovoy prose klonyat¹.

Obnimayu Vas².

B. Набоков

37. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

<Нью-Йорк> 22 апреля 1949

Милый Владимир Владимирович,

так как мне хочется, чтобы Ваше выступление в Нью-Йорке 7 мая было «событием», то я хочу Вам предложить такую «идею»: разослать всем могущим заинтересоваться Вашим вечером приглашение особого рода — в стихах или в прозе, за Вашей ли подписью, за подписью ли Общества «Надежда». Если написать что-нибудь оригинальное или захватывающее — а Вы мастер на такого рода выдумки, то это имело бы большой эффект. Мы беремся разослать такое «приглашение» по тысяче адресов! Не откликнитесь ли Вы на мою идею? Если Вам почему-либо не хочется под таким приглашением ставить Ваше имя, это может быть сделано совсем без него...

Жду ответа, так как если это делать, то надо делать немедленно. А не хотелось бы рассыпать скучное официальное приглашение, как это делается обычно.

38. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Итака> 25 April 1949

Dorogoy moy Vladimir Mikhaylovich,
Pozhaluysta ne nuzhno nikakikh stishkov i tomu podobnikh
shtuk. Chem proshche tem luchshe. Ya vprochem ochen' vam
blagodaren za dobriya namereniya.

S udovolstviem dumayu o blizkoy vstreche.
Vash¹

B. Nabokov

39. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Итака> 3 may 1949

Dorogoy Vladimir Mikhaylovich,
priedem v pyatnicu pozdno vecherom. stanovimsya v Hotel
Wellington, 7th Avenue and 55th Street.

Pozvonite mne tuda v subbotu utrom (ne ran'she devyati) i ska-
zhite gde vecher i v kotorom chasu.

S serdechnwm privetom
Vash

Vladimir Nabokov¹.

40. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

802 E. Seneca St<reet>
Itaca, N<ew> Y<ork>.
11 may 1949

Dorogoy Vladimir Michaylovich.

Ochen' priyatno bwlo vas povidat'. Mw shaleli shto vw ne
poekhali s nami v Itaku. Ne khotim vas toropit', no pozhaluysta
reshite kak mozhno skoree, edete li s nami. Mw raschitwvaem
puteshestvovat' 2—2¹/₂ mesyatza i, priekhav v Wyoming (posle
12-ti dney v Sold Lake City), osest' v kakoy — nibud' gornoy
derevne. Esli sudit' po prospektam, kotorwyе mw tol'ko shto
poluchili, zhizn' tam na meste mozhet stoit' 45—50 v nedelyu s
cheloveka, no m.b. udastsa nayti nemnogo deshevle.

Prostite, shto voz<v>rashchayu vash spisok nepodpisannwm: ea
ne obshchestvennik, podpis' mya dlya dannago dela ne imet ni tzenw
ni vesa. K tomu zhe u menya printzip: nichevo ne podpiswvat, shto
ne sam ya pisal¹. Eshchyo raz — prostite! Prilagayu posil'nyyu leptu.

S serdechneyshim privetom ot menya i zhenw.

V. Nabokov²

41. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

<Нью-Йорк> 22 июня 1949

Дорогой Владимир Владимирович,

быть может, Вы еще не укатили к мормонам ловить бабочек и это письмо застанет еще Вас в Итаке¹. В таком случае обращаюсь к Вам по следующему поводу.

Взялся я за оставленную Вами мне рукопись, чтобы использовать ее для украшения второго номера «Известий Литературного фонда»², который я сейчас составляю, — и ахнул! Да ведь в этой рукописи нет ни одной стихотворной строки, одни только «комментарии»³! Это получилось нечто вроде пирога без начинки!

Я надеюсь, что у Вас есть копия того, что Вы мне передали. В этом переданном мне манускрипте имеется 12 страниц. Я предполагал — если место позволит — поместить полностью в «Известиях» — все, начиная со стр. 8. И вот — если бы Вы собрались с силами и прислали мне стихотворный (только стихотворный) текст, начиная со стр. 8, то у меня все было бы в порядке, и я мог бы воспроизвести все со стр. 8 до 12-й. И затем — как Вас подписать? Набоков? Набоков-Сирин? Сирин?

Был бы Вам очень благодарен за спешный ответ: хотелось бы отпечатать № 2 как можно скорее⁴.

Когда едете? Конечно, как я и боялся — эта поездка для меня недоступная роскошь: как по расходам денег, так и по расходу времени... А как хотелось бы!!!

42. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

*Teton Pas Raneh
Wilson
Wyoming
<Лето 1949 г.>*

Дорогой Владимир Михайлович,

смотрим (и лазим) на баснословные горы и ужасно жалеем, что вам не удалось поехать с нами.

У меня здесь нету с собой адреса племянницы Ильюши, у которой наши бумаги. Сообщите мне его сюда еще раз, пожалуйста — если можно, обратной почтой.

Стихов моих у меня с собой нет.

Большинство из упомянутых в заметках напечатаны в «Современных записках»¹ и «Новом журнале».

Когда вернусь в Итаку (в начале сентября), посмотрю, что у меня есть.

Обнимаю вас, Вера шлет привет.

Vаш В. Набоков

43. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

<Нью-Йорк. Лето 1949 г.>

Милый Владимир Владимирович,
был рад получить от Вас весточку — осторожнее ловите в горах бабочек, как бы не упасть!

Сообщаю Вам адрес Раисы Исидоровны Лебедевой и Наташи (Наталии Владимировны (!!!)) Симон:

22, Rue de Civry, Paris, XVI.

44. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

<Нью-Йорк> 2 сентября 1949

Дорогой и милый Одиссей,
пишу Вам наугад, так как не знаю, вернулись ли Вы в свою (или на свою, если рассматривать Ваш город как остров!) Итаку...

Вот какая у нас здесь явилась мысль. «Надежда» открывает «сезон» 30 сентября (день Веры, Надежды, Любви). Снято уже очень хорошее помещение — зала на 250 человек. Мы предлагаем устроить «Лермонтовский вечер» — 2 октября 135 лет со дня рождения. Вступительное слово, чтение, пение. Читать согласилась Варвара Петровна Булгакова¹ (Московский Художественний Театр) — замечательная чтица! Для музыкальной части намечено несколько лиц (из «Демона» и романсы), в том числе «Советский Собинов» — Жадан², недавно в качестве Ди-Пи приехавший сюда из Германии, кумир советских людей, здесь еще не выступавший — по общим отзывам, действительно, удивительный голос (тенор). Каковы у Вас личные отношения с Лермонтовым? Не согласитесь ли Вы сказать о нем вступительное слово — любых размеров, прозой или стихами. Это было бы замечательно!

Не знаю, захочется ли Вам и возможно ли это будет для Вас (по времени). Если согласитесь, напишите об условиях.

Во всяком случае — в ответ пошлите хотя бы открыточку. Надеюсь, что хорошо съездили!?

45. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

<Итака> 13 September 1949

Dorogoy moy Vladimir Mikhaylovich,
prostite chto ne srazu otvetil: nachinaetsa akademicheskiy god,
mnogo rabotw, a glavnoe — speshu konchit' rasskaz.

Priekhat' v kontze etovo mesiatza ne mogu, da krome tovo proiznosit' vstupitel'noe slovo eto ne po moey chasti'. Povidat' vas bwl bw rad, letom mw ne raz zhaleli chto vy s nami ne poekhali, mw pobwvali v mestakh neobwchaynwkh.

Serdechnwy privet ot nas oboikh.

Vash¹ B. Набоков

46. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

<Нью-Йорк> 14 октября 1949

Милый Владимир Владимирович,
мне очень совестно беспокоить Вас по такому поводу, но дело в том, что присланный Вами в свое время через меня чек для Лит^{<ературного>} фонда отчасти по моей вине вышел в тираж — со времени его подписания прошло уже почти полгода, и банк отказывается по нему выдать деньги. Не откажите, пожалуйста, поэтому выписать новый, а прилагаемый изорвать. Надеюсь, в этом с моей стороны никакого вымогательства нет, так как новый чек не потребует от Вас никаких новых затрат.

Привет Вам и Вашим сердечным и простите меня, грешного.

47. В. Е. НАБОКОВА — ЗЕНЗИНОВУ

<Итака> 16.XI.<19>49.

Милый Владимир Михайлович.

Видя, что ему еще долго не собраться самому, Володя просил меня послать Вам новый чек для Литерат^{<урного>} фонда, что я с удовольствием исполняю. Ни он, ни я не помним точного названия, т^{<ак>} ч^{<то>}, пожалуйста, впишите его сами.

Мы читаем «Слово» с опозданием в 4—5 месяцев и только теперь узнали про Чухнова¹ и компанию из их писем и Вашей статьи с цитатами из чухновских произведений².

Если это Вам известно и если найдется время, напишите нам, пожалуйста, каким образом, по чьей протекции, такие вот Чухновы попадают сюда?

У нас в этом году чудесная осень, и мы повторяем приглашение: не приедете ли погостить? Очень была бы рада Вас видеть!

Сердечный привет от нас обоих.

Вера Набокова

48. НАБОКОВЫ — ЗЕНЗИНОВУ

<Итака. Декабрь 1950 или январь 1951 г. >

CRISTMAS GREETINGS AND BEST WISHES FOR the NEW YEAR¹

B. и В. Набоковы

Недавно узнали, что Вы справляли 70-летие², посылаем запоздалое, но очень сердечное поздравление!

49. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

<Нью-Йорк> 28 октября 1952

Дорогой Владимир Владимирович,

в Нью-Йорке мечтают о том, что Вы и в этом году выступите перед публикой — прошлогоднее Ваше выступление¹, как все говорят (меня тогда не было в Нью-Йорке), было очень интересно, и многие о нем до сих пор вспоминают. До меня дошли слухи, что Вы едете в Кембридж — может быть, и заедете сюда по дороге?

23 ноября у нас (в «Надежде») М. М. Карпович расскажет о своих впечатлениях о поездке в Европу. Ваш вечер мог бы быть устроен в ноябре или декабре, как Вам удобнее. Тему можете наметить, какую сами хотите (только... не о Чернышевском...). Одновременно высылаю Вам номер газеты с отзывом о новом сборнике Ваших стихов².

50. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

*Mr. V. Zenzinov
294 Riverside rive
New York, N.Y.
<Итака> 20 ноября 1952 г.*

Дорогой Владимир Михайлович,
спасибо за письмо и газету и за приглашение выступить.
Я с удовольствием сделал бы это на Рождество за сто долларов
(я бедный профессор), если бы Вас удовлетворила программа
из уже однажды напечатанного материала. У меня есть рас-
сказы, давно всеми, кроме меня, забытые, есть стихи, не во-
шедшие в мой только что отпечатанный сборничек¹. Если же
старенькое не годится, то давайте отложим. В будущем году
у меня начнут накопляться кусочки и главы из моей «Кон-
клюсив Эвиденс»², которую Чехов поручил мне перевести на
русский³.

Ужасно жалко было узнать о кончине Веры Ивановны Руд-
невой...⁴

Сердечный Вам привет от нас обоих.

В. Набоков

51. ЗЕНЗИНОВ — НАБОКОВУ

<Нью-Йорк> 23 ноября 1952

Дорогой Владимир Владимирович,
немедленно Вам отвечаю: согласны на все Ваши предложе-
ния и условия. Итак: ждем Вас с рассказами и поэзией (ста-
рыми или новыми) на Рождество или вокруг Рождества.

Но мы должны немедленно закрепить за собой помещение,
что должно зависеть от того дня, который Вы выберете.

Предлагаем Вам на выбор такие дни:

19 декабря (пятница), 20 декабря (суббота), 21 декабря (вос-
кресенье), 27 декабря (суббота), 28 декабря (воскресенье), 2 ян-
варя (пятница), 3 января (суббота).

Было бы хорошо, если бы Вы указали ДВА возможных для Вас
дня, чтобы нам легче было манипулировать. Один из них мы
закрепим окончательно (необходимо нам предварительно сгово-
риться относительно помещения) и немедленно Вас известим.

Буду ждать от Вас ответа.

Долой Сталина!

52. В. Е. НАБОКОВА — ЗЕНЗИНОВУ

<Итака> 25.XI.<19>52.

Дорогой Владимир Михайлович,

Володя меня просит Вас за него поблагодарить. Он предлагает Вам три даты на выбор: 21-го, 27-го или 28-го. Озаглавить он предлагает так:

Владимир Набоков-Сирин

Чтение прозы и стихов.

Завтра утром мы едем в Кембридж, к сыну, а раньше у В^солоди еще две лекции, т^{ак} ч^{то} он уже лег.

Сердечный привет Вам от нас обоих.

Вера Набокова

53. НАБОКОВ — ЗЕНЗИНОВУ

*Mr. V. Zenzinov
294 Riverside rive
New York, N.Y.
<Итака> December 2, 1952*

Dear Vladimir Mikhailovich.

It has occurred to me that I might deliver a half-an-hour lecture on Alexandre Blok in the first part of my soiree, with a short story and a few poems to follow in the second. If this arrangement suits you, you might entitle the whole thing¹.

Vecher Vladimira Nabokova-Sirina. Pervaya chast' budet posvyashchena Slovu o Bloke, vtoraya sobstvennoy prose i stikhам².

I embrace you,

Vash

V. Nabokov

Please let me know the date selected as soon, as you know it yourself³.

КОММЕНТАРИИ

Письма печатаются по автографам, которые хранятся в Архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете Нью-Йорка (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York (Бахметевский архив, в дальнейшем — BAR)): Zenzinov Papers. Box 2 (письма Набокова Зензинову), box 3 (письма Зензинова Набокову). Тексты переданы по правилам современной орфографии и пунктуации, с сохранением некоторых авторских особенностей (в своих русских письмах Набоков, как известно, пользовался старой орфографией).

Дата и место отправления, в тех случаях, когда они отсутствуют в оригинале, указываются в угловых скобках (как и любые редакторские конъектуры). Эти элементы, вместе с подписью автора, даются курсивом. Часть писем Набокова написана от руки, остальные напечатаны на русской или латинской машинке. Все письма, как и вся корреспонденция Зензинова, напечатаны на машинке.

В комментариях по персоналиям частично использованы сведения из следующих изданий:

1. Политические партии России. Конец XIX—первая половина XX в. Энциклопедия. М., 1996.

2. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XIX в. Энциклопедический библиографический словарь. М., 1997.

3. Писатели русского зарубежья. Литературная энциклопедия русского зарубежья. М., 1997.

4. Струве Г. Русская литература в изгнании. Краткий биографический словарь русского зарубежья. Париж, 1996.

Благодарю куратора Бахметевского архива, профессора R. Wortman'a (Columbia University) за разрешение публикации, а также профессора S. Rabinovitch (Amherst College Center for Russian Culture) за любезно предоставленные для работы ксерокопии переписки В. В. Набокова и К. И. Солнцева.

1. Набоков—Зензинову. 23 июля 1941 г.

На письме помета рукой Зензинова о получении: «28/VII».

¹ С июня по сентябрь 1941 г. Набоков читал два летних факультативных курса в Стэнфордском университете: по технике художественного творчества и по русской литературе.

² Tournure (франц.) — поворот, оборот (дел).

³ В период войны СССР с Финляндией (1939—1940) Зензинов в качестве парижского корреспондента находился в Финляндии. Материал, собранный им за это время, составил ряд очерков и книгу «Встреча с Россией» (Нью-Йорк, 1944). Подробнее об этом см. вступ. ст. к «Переписке В. Б. Набокова и В. М. Зензинова» в наст. изд. (с. 34—64).

⁴ Марк Александрович Алданов (Ландау; 26 октября 1886, Киев — 25 февраля 1957, Ницца) — писатель, историк, критик русского зарубежья. По образованию — юрист и химик (юридический факультет и химическое отделение физико-математического факультета Киевского университета). Эмигрировал в апреле 1919 г. из Одессы через Константинополь в Париж. Соредактор журнала «Грядущая Россия» (1920). Постоянный автор журнала «Современные записки». Член Парижского союза русских писателей и журналистов. С 1925 г. — заведующий литературным отделом газеты «Дни», а с 1927 г. вместе с Ходасевичем — литературно-критического отдела газеты «Возрождение». С декабря 1940 г. — в США. С 1942 г. — соредактор (с М. О. Цетлиным) «Нового журнала» (№ 1—4). Член правления Нью-Йоркского литературного фонда помощи писателям и ученым. В 1947 г. переехал в Ниццу (Франция). Автор знаменитых исторических портретов и романов, переведенных на многочисленные языки.

См. рецензию Набокова на роман Алданова «Пещера» (Современные записки. 1936. № 61. С. 470—472) и приветствие к 70-летию Алданова (Новое русское слово. 1956. 4 ноября. С. 2). Алданов порекомендовал вместо себя Набокова для чтения лекций в Стенфордском университете, что облегчило Набокову переход в Америку. Их переписка американского периода (51 корр.) хранится в фонде Алданова в Бахметевском архиве Колумбийского университета (частично опубликована: Октябрь. 1996. № 1. С. 121—146).

⁵ Клаус Манн (1906—1949) — сын немецкого писателя Т. Манна; прозаик, эссеист, драматург; автор романа «Мефисто» (1936). Один из первых писателей, покинувших гитлеровскую Германию (1933), он стал гражданином Чехословакии (1937) и США (1943). К. Манн дважды был в СССР, в 1934 г. — в качестве гостя 1-го съезда советских писателей. Основал и руководил двумя престижными журналами: «Die Sammlung» («Собрание») в Амстердаме и « ecision» («Решение») в Нью-Йорке, являвшимися его наиважнейшим вкладом в борьбу против Третьего рейха. Во время Второй мировой войны в составе американских армий принимал участие в освобождении Италии. За полгода написал 45 статей в армейскую газету. Как штатный корреспондент был послан в оккупированную США зону Германии. Испытывая социальные и личные разочарования, принял сверхдозу снотворного. Наиболее известные произведения: сборник рассказов об эмиграции в Америку (1930), роман «Путешествие в свободу» (1934), «Патетическая симфония» (роман о Чайковском, 1935), книга «Поворотный пункт» (1942) — история семьи Маннов. Последнее эссе — «Европейские поиски Нового кредо» (1949).

В письме от 9 января 1941 г. Набоков писал Э. Уилсону: «...a big spaseebo за то, что ты помог мне установить контакты с “ ecision” и “New irections”». У меня был очень приятный разговор с Клаусом Манном, который побудил меня написать для них статью в 2 тыс. слов» (The Nabokov—Wilson Letters 1940—1971 / Ed., An. and with an Introductory Essay by Simon Karlinsky. New York; London, 1979. P. 37). В качестве редактора журнала « ecision: A Review of Free Culture» («Решение: журнал свободной культуры», январь

1941 — январь-февраль 1942) К. Манн предлагал сотрудничество Набокову и Алданову. Предложенная Набоковым статья о советской литературе сталинского периода и перевод стихотворения Пушкина в журнале не появились (см. об этом письмо К. Манна Алданову от 20 мая 1941 г. — BAR. Aldanov Manuscripts. Box 6). Воспоминания Алданова о Горьком были напечатаны в номере журнала за ноябрь — декабрь 1941 г. (р. 25—30); перевод см.: Литературная газета. 1993. 24 марта.

8 мая 1941 г. Набоков послал Алданову открытку (датируется по почтовому штемпелю): «Дорогой Марк Александрович, Klaus Mann просит вас ему позвонить (причем мое имя он пишет Nabakov, а ваше — Aldonov — мы с вами трогательно обменялись главной гласной) в пятницу или субботу, либо утром в отель Bedford... либо в контору пополуднем...» (BAR. Aldanov Manuscripts. Box 6).

⁶ Деньги предназначались для А. Л. Фейгин (см. о ней примеч. 1 к письму 3).

⁷ Александр Федорович Керенский (22 апреля 1881, Симбирск — 11 июня 1970, Нью-Йорк) — общественно-политический деятель, юрист, публицист, историк. В 1912 г. возглавил комиссию 3-й Государственной Думы по расследованию обстоятельств Ленского расстрела рабочих. Был избран депутатом 4-й Государственной Думы по списку трудящихся граждан. С 1915 г. — председатель фракции труд. гр. В 4-й Государственной Думе вошел во Временный комитет. Во время Февральской революции — заместитель председателя Петроградского Совета. Во Временном правительстве занимал посты: министра юстиции, военного министра, морского министра, с сентября 1917 г. — главнокомандующий армии. 25 октября 1917 г. во время Октябрьского переворота, покинув столицу, хотел с помощью казачьих частей под командованием П. Н. Краснова оказать сопротивление большевистским силам, но потерпел неудачу. В 1918 г. от имени «Союза возрождения России» вел за границей переговоры с союзниками о совместных действиях против Советской России. В эмиграции издавал ежедневную газету «Дни», сначала в Берлине (1922—1925), затем — в Париже (1925—1928), как еженедельную и двухнедельную с сентября 1928 по июнь 1933 г. В Париже также издавал журнал «Новая Россия» (1936—1940). С 1940 г. жил в США, активно участвуя в политических делах русской эмиграции. В марте 1949 г. вошел в правление организованной в Нью-Йорке «Лиги борьбы за народную свободу», став редактором бюллетеня Лиги — «Грядущая Россия». Автор ряда публицистических статей, книг и мемуаров «Россия на историческом повороте» (М., 1993). В. М. Зензинова связывала с Керенским многолетняя дружба, продолжавшаяся все годы эмиграции. Портрет Керенского дан в очерке Зензинова «Февральские дни» (Новый журнал. 1953. № 34—35) и в работе Вл. Дм. Набокова (отца писателя) «Временное правительство и большевистский переворот» (Архив русской революции / Под ред. И. В. Гессена. Берлин, 1921. Т. 1).

⁸ Роман Самойлович Тумаркин (1890—1977) — брат Марии Самойловны Цетлин (урожд. Тумаркиной), жены М. О. Цетлина (см. о нем: примеч. 4 к письму № 8).

⁹ Наталья Алексеевна Шаховская (1903—1988) — первая жена композитора Н. Д. Набокова, двоюродного брата В. В. Набокова; сестра З. А. Шаховской.

¹⁰ Дмитрий Владимирович Набоков (род. в 1934 г.) — сын В. В. Набокова.

¹¹ Имеется в виду «The Real Life of Sebastian Knight» (New York, 1941).

¹² См. письмо Набокова Алданову от 20 октября 1941 г.: «Скоро выходит мой английский роман «Sebastian Knight» (написанный, как я вам говорил, в 1936, на bidet, когда мы жили в одной комнате около Etoile, rue de Saigon) и только что получил “восторженный” отзыв от Edm. Wilson'a, которому издатель послал гранки. Я горд этой книжкой как тур де форсом и чисто волевым явлением...» (BAR. Aldanov papers. Box 6). Такую же характеристику роману Набоков дает в письме Э. Уилсону от 21 октября 1941 г. (см.: The Nabokov—Wilson Letters. P. 19—20).

¹³ The Art of Translation // The New Republic. 1941. Aug. 4. P. 160—162. Дополнительная реплика Набокова к этой статье появилась в следующем месяце: The New Republic. 1941. Sept. 22.

¹⁴ В письме М. Карповичу летом 1941 г. Набоков писал: «...я прохожу через довольно мучительный период, т. к. выяснилось, что приходится переводить не только стихи, но и прозу — например, “Шинель”. Существующий перевод — мерзость и срам...» (BAR. Karpovich Papers. Box 2). В письме М. В. Добужинскому от 25 июля 1941 г. Набоков писал: «...Читаю свои лекции в общем с удовольствием, но мало у меня досуга для собственных трудов и много себе задаю лишней работы, особенно в смысле переводов на англ^{ийский}, но что поделаешь, когда существующие переводы (напр., Шинели) не перекладные лошади просвещения, а дикие ослы дикого невежества. Какая небрежность, какая недобросовестность...» (Звезда. 1996. № 11. С. 98). «Муж очень много работает и очень устает, не столько от лекций (их 7 в неделю), сколько от подготовки к каждой лекции: не находя порядочных переводов русских классиков, он сам их переводит для студентов. Только что кончил “Пир во время чумы” и теперь трудится над “Шинелью”. Так преподавать русскую литературу, конечно, очень утомительно», — писала В. Е. Набокова А. А. Гольденвейзеру 26 июля 1941 г. (BAR. Goldenveyzer Papers. Box 3).

¹⁵ Илья Исидорович Фондаминский (псевд. Бунаков; 17 февраля 1880, Москва — 19 ноября 1942, Освенцим) — общественно-политический деятель, историк, публицист, издатель; член ЦК партии эсеров. В 1906 г. через Финляндию эмигрировал во Францию. В 1917 г. вместе с Черновым, Авксентьевым, Савинковым и др. вернулся в Петроград. Комиссар Временного правительства Черноморского флота. Весной 1918 г. — в Москве — член Союза Возрождения России. 5 апреля 1919 г. вместе с В. В. Рудневым, А. Толстым, М. А. Алдановым и др. эмигрировал через Константинополь в Марсель и Париж. В 1919—1920 гг. сотрудничал в журнале «Грядущая Россия». В 1920 г. — соредактор журнала «Современные записки», где опубликовал исторически-философское исследование «Пути России». В 1931—1939 гг. вместе с Ф. А. Степуном и Г. П. Федотовым издавал журнал «Новый град»; член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. Участник литературного собрания «Зеленая лампа» (1927—1939) и литературного объединения «Круг» (1935—1939). В 1930 г. — один из организаторов «Лиги православной культуры». С 1935 г. — один из основателей (вместе с Н. Бердяевым и матерью Марией) объединения «Православное дело». Во время оккупации Парижа

22 июня 1941 г. был арестован. В августе 1942 г. был отправлен в Германию, погиб в концентрационном лагере.

2. Зензинов—Набокову. 8 августа 1941 г.

¹ Николай Дмитриевич Авксентьев (29 ноября 1878, Пенза — 4 марта 1943, Нью-Йорк) — общественно-политический деятель, публицист; член ЦК партии эсеров. С 1907 г. находился в эмиграции в Париже. 8 апреля 1917 г. вместе с Фондаминским и Черновым вернулся в Петроград. В июле-августе 1917 г. вошел во Временное правительство в качестве министра внутренних дел. В октябре — председатель Временного совета Российской республики. В марте 1918 г. — один из организаторов московского «Союза возрождения России»; в октябре-ноябре — председатель Всероссийского временного правительства (Уфимской дирекции). Арестован Колчаком и выслан в Китай. Эмигрировал в Париж. Соредактор журнала «Современные записки». В 1936—1937 гг. — соредактор журнала «Русские записки». В 1940 г., в связи с оккупацией Парижа, переехал в Нью-Йорк, где вместе с Зензиновым и Черновым издавал журнал «За свободу», будучи одним из его авторов. Был первым мужем М. С. Цетлин (1906—1909), вместе с нею входя в дружеский студенческий кружок будущих эсеров, в котором участвовали Зензинов, Фондаминский, Гоц. Руководил, вместе с И. Н. Альтшуллером, клубом «Горизонт» в Нью-Йорке, где весной 1944 г. должен был пройти вечер Набокова (см. ниже).

² Литературный фонд помощи российским писателям и ученым в изгнании — эмигрантская гуманитарная организация (США), работающая на основе принципов Красного Креста. Основан в 1918 г. Председатель правления — М. М. Карпович, товарищи председателя — М. Е. Вейнбаум, В. М. Зензинов, Б. И. Николаевский. Цель фонда — «содействие сохранению культурных сил России путем оказания материальной помощи нуждающимся российским писателям, журналистам и ученым, находящимся за границей, равно как и их семьям» (Устав Литературного фонда). Первоначально Литературный фонд ставил перед собой более широкие задачи — он помогал не только находившимся за границей, но и живущим в России: за период с 1919 по 1937 гг. он отправил в Советский Союз, преимущественно в форме продуктовых посылок, свыше 7000 долларов. В 1921 г. удалось послать продуктовую посылку А. Блоку, незадолго до его смерти, и Короленко, который был тронут заботой американских друзей. Но и тогда уже помочь направлялась не по индивидуальным адресам, а на адреса организаций, т. к. сношения с находившимися в эмиграции лицами и в особенности с эмигрантскими организациями советская власть приравнивала к политическому преступлению. Позднее всякая помощь Литературного фонда Советскому Союзу оказалась невозможной, и с 1937 г. Литературный фонд должен был ограничить свою деятельность исключительно помочью лицам и организациям, находящимся в эмиграции.

³ Вероятно, пропущено слово «начала».

⁴ Дмитрий Михайлович Одинец (1883—1950) — историк, профессор Сорбонны; сотрудник газеты «Последние новости»; председатель правления Тургеневской библиотеки в Париже. После войны перешел на просоветские позиции: редактировал издававшуюся в Париже Союзом русских патриотов газету «Советский патриот» (1945—1947). Газета «Новое рус-

ское слово» сообщала 1 февраля 1945 г.: «Русский Париж. Профессор Одинец, арестованный немцами в Париже за его попытки спасти Тургеневскую библиотеку, несколько лет просидел в лагере. Слухи о его депортации, к счастью, не подтвердились. Д. Одинец жив и находится в настоящий момент в Париже. В некоторых кругах его прочат в редакторы издающейся в Париже ежедневной газеты "Русский патриот", газеты, контролируемой советским посольством». В 1948 г. выехал в Советский Союз, жил в Казани, преподавал в Казанском университете. О нем см.: Малышева С. Автографы Компьенского концлагеря // Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 5. С. 22, 23.

⁵ Вильям Грин, председатель Американской федерации труда, в 1940 г. обратился непосредственно к президенту Рузвельту, который в порядке исключения предписал выдать разрешения для въезда в США по спискам, утвержденным Еврейским рабочим комитетом (Телеграмма № 82 гос. Деп. от 6/VII 1940 г.). Право въезда в США было предоставлено без всяких формальностей, но — по «неэмигрантской визе». Этим путем въезжали в США независимо от национальности все, попавшие «в список», (напр., Н. Д. Авксентьев и Г. П. Федотов въехали в США по спискам Еврейского рабочего комитета).

⁶ Михаил Михайлович Карпович (1888—1959) — историк и публицист. В 1914 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета; с мая 1917 до лета 1922 г. — сотрудник русского посольства в Вашингтоне. С 1927 по 1957 гг. — преподаватель, профессор истории в Гарвардском университете. С 1943 г. — соредактор, а с 1945 по 1959 гг. — главный редактор «Нового журнала». Соредактор сборника «Русский литературный архив» (1956). В 1940—1950 гг. — соредактор журналов «The Russian Review» и «The American Slavic and East European Review». Обширная переписка Набокова с Карповичем хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета.

⁷ Симеон Струнский (1879, Витебск, Россия — 1948, Princeton, США) — журналист. В США с 7-летнего возраста. Еще в школе получил премию Пулитцера (премия в области журналистики). После школы выиграл стипендию Колумбийского университета, который закончил в 1900 г. Первая профессиональная работа — редактор «Новой международной энциклопедии» — до 1906 г. С этого же года — штатный сотрудник газеты «The New York Evening Post», где работал до 1920 г. как автор передовых статей и репортер, ответственный за информацию о международных событиях. С 1920 г. — редактор этой газеты, вел редакторские страницы, сотрудничал также в субботнем литературном обозрении. С 1924 г. — редактор газеты «New York Times», где в течение 15 лет вел репортажи «Темы времени» (колонка редактора), опубликованные впоследствии отдельной книгой, а также воскресную колонку книжного обозрения: «О книгах — более или менее». В молодости — социалист по убеждениям, в зрелости стал более консервативен. Овдовев в 1906 г., в 1910 г. женился на М. Гордон. Член Национального института искусств и Американской Академии искусств и наук.

Мария Ефимовна Струнская (урожд. Гордон) (1882, Киев, Россия — 1945, New Canaan, Conn., США) — жена Симеона Струнского. Переехала в США в возрасте 14 лет. Прослушала курс истории и драмы в Колумбийском университете. Член Американского отделения Российской партии эсеров. Принимала активное участие в распространении революционной литературы и обеспечивала финансовую поддержку партии эсеров из

Америки. Дружила с Ек. Брешковской, А. Керенским и др. лидерами партии эсеров. Свою книгу об Америке «Железный скрежет» (Париж, 1937) Зензинов посвятил Струнской, которая помогала ему в его лекционном турне по Америке: «To my good friend Mrs Manya Gordon-Strunsky, by whose kind help I discovered the United States». В 1941 г. издала книгу «Рабочие “до” и “после” Ленина» (по материалам, собранным Н. В. Валентиновым). В 1944 г. — книга «Как отличить прогресс от реакции». По просьбе М. М. Карповича дала Набокову рекомендации в две газеты — «Times Book Review» и «Sun» и способствовала его деловым встречам для сотрудничества в американской прессе. Автор статей и рецензий в субботнем литературном обозрении в «New York Times». Работала над книгой исследований по русской литературе.

⁸ Александр Федорович — Керенский. Его жена — Тереза Нелль (умерла в апреле 1946 г. в Австралии).

⁹ Роман Самойлович Вишняк, кузен М. В. Вишняка (см. о нем примеч. 1 к письму № 4), с женой.

3. Набоков—Зензинову. Август 1941 г.

Датируется по предыдущему письму Зензинова.

¹ Анна Лазаревна Фейгин (26 декабря 1890, Минск — январь 1973, Нью-Йорк) — двоюродная сестра В. Е. Набоковой (Слоним), жены Набокова. Фамилия матери — Вигдорович. В Минске окончила гимназию, затем в Петербурге — Консерваторию по классу рояля. Пианистка. Давала уроки музыки. В 1922 — 1937 гг. жила в Берлине, с 1937 по 1939 гг. — в Париже. Во время оккупации Парижа переехала в Ниццу. 18 сентября 1942 г. — въехала в США.

² На письмо Набокова Алданов откликнулся 27 июля 1941 г.:

«Дорогой Владимир Владимирович,

простите, что не сразу вам ответил: я должен был навести справки о Вашем деле: о переводе денег. Я сам недавно послал в Ниццу три тыс. франков по хорошему курсу, но со времени объявления немцами войны России это стало гораздо труднее, так как у тех русских во Франции, через которых это делалось, блокированы счета в банках. Яправлялся у Ник. Дмитриевича. Литературный фонд посыпает доллары по курсу 43. Справился у Тумаркина — у него сейчас нет возможности. Наконец, сегодня мне сказал Роман Самойлович Вишняк, кузен Марка Вениаминовича, что он может это для Вас сделать. Не спеситесь ли Вы прямо с ним, так как мы, верно, уедем на две недели. Вишняк делает это через знакомых и, разумеется, из любезности...» (BAR. Aldanov Papers. Box 6).

³ С 1 октября 1941 г. Набоков получил постоянное место преподавателя курса сравнительной литературы в Wellesley College (Уэлслей, штат Массачусетс). Подробнее см. примеч. 3 к письму № 24.

4. Набоков—Зензинову. 2 января 1942 г.

Открытка. Почтовый штемпель: «Boston, Mass. Jan 6 1942. 7 pm». Адрес рукой Набокова: «V. M. Zenzinov 626 № 114 New York City». Под текстом приписка карандашом рукой Зензинова (?): «Набоков-Сирин».

¹ Вишняк Марк Вениаминович (1883, Москва — 31 августа 1977, Нью-Йорк) — политический деятель, публицист. Из купеческой семьи. После окончания гимназии поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1908 г. (в 1903—1904 гг. учился медицине в Германии). После первой русской революции в 1905 г. был принят в партию эсеров Гоцем и Фондаминским, членами Московского комитета партии эсеров. Активно занимался революционной работой, вместе с В. В. Рудневым и И. И. Фондаминским избран делегатом на 1-й съезд партии эсеров. Неоднократно подвергался арестам, высылался под гласный надзор полиции. В сентябре 1911 г. по распоряжению полиции выслан за границу (Париж). Сотрудничал в центральной газете партии «Знамя труда». В 1915—1916 гг. служил в Главном Комитете Всероссийского съезда городов, в редакции газеты «Известия» под руководством историка С. В. Бахрушина. Редактор газеты «Труд» (орган Московского комитета партии эсеров). В 1917 г. — главный эксперт партии по вопросам публичного права. От партии эсеров входил в Особое совещание по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. Входил в редакцию центральной газеты эсеров — «Дело народа». Входил в бюро эсеровской фракции Учредительного собрания. Не принял Октябрьской революции, считал, что революция исчерпала себя Февралем. Предпринимал неудачные попытки перебраться на Восточный фронт. В Киеве, потом в Одессе служил в бюро Земского и Городского союзов. 12 апреля 1919 г. с греческой визой покинул Одессу. В мае 1919 г. в Афинах получил французскую визу — через Марсель в Париж. В конце 1919 г. работал в Комитете еврейских делегаций при Конференции мира в Париже в качестве эксперта по вопросам защиты прав еврейских меньшинств. С 1920 г. — секретарь Российского общества защиты Лиги Наций. С 1922 г. — профессор русского юридического факультета при Парижском университете славяноведения. Читал курс лекций «Русские основные законы и политические идеи 1-й четверти XIX в.», вел семинар по русскому государственному праву. В 1920—1940 гг. — член редколлегии журнала «Современные записки», сыграл решающую роль в изъятии из печати 4-й главы (о Чернышевском) романа «Дар» (см. об этом примеч. 1 к письму 7). Сотрудничал в газете П. Н. Милюкова «Последние новости». С марта 1938 г. по сентябрь 1939 г. — секретарь журнала «Русские записки» (ред. Милюков). Сотрудничал в газете «Родина», «Еврейская трибуна», в эсеровских органах — «Сегодня» и «Дни». 13 октября 1940 г. из оккупированной Франции переехал в США. Вместе с Авксентьевым, Зензиновым, Черновым участвовал в издании журнала «За свободу» (до июля 1947 г.). Сотрудничал в «Новом журнале». Преподавал русский язык на курсах при Корнелльском университете (1943—1944), затем в Боулере (штат Колорадо, 1944—1946). С 1946 г. жил в Нью-Йорке, сотрудничал в еженедельнике «Time» в отделе по русским делам. Входил в Лигу борьбы за народную свободу (1948). Автор многочисленных статей, книг, рецензий, а также мемуаров: «Дань прошлому (1883—1918)» (Нью-Йорк, 1954), «Годы эмиграции (1919 — 1969)» (Стэнфорд, 1970), «Современные записки» (СПб., 1993).

5. Набоков—Зензинову. 1 октября 1942 г.

Открытика. Почтовый штемпель: «Hartsville. Oct 5 1942. 6 pm». Адрес рукой Набокова: «Mr. V. Zenzinov 327 E 20 New York City».

¹ Лев Маркович Камышников — журналист. С 1902 по 1907 г. — сотрудник газет «Южное обозрение», «Юг» (Херсон), «Одесские новости». Позднее — сотрудничал в петербургских газетах и журналах («Биржевые ведомости», «Солнце России», «Журнал для всех», «Нива», «Аполлон» и др.). С 1911 г. и до революции — редактор одесской газеты «Южная мысль», одновременно печатался в «Киевской газете», газете «Утро» (Харьков) и др. Эмигрировал после Октябрьского переворота. В Константинополе работал в газете «Вечерняя почта». С 1923 г. — в США (Нью-Йорк). Постоянный автор газеты «Новое русское слово». Печатался в «Новом журнале» (1942. № 3) и в «Новоселье» (1943. № 2). Издавал в Нью-Йорке иллюстрированный ежемесячник «Зеленый журнал» (1924. № 1—2).

Что имеет в виду Набоков, не установлено.

² Бикс — китайский биллиард, игра на наклонной доске. После каждого удара шарик скатывается в первоначальное положение.

³ Ср. в письме Набокова Алданову от 29 марта 1941 г. (на бланке Wellesley College): «Дорогой друг Марк Александрович, ну вот, сегодня кончился мой курс здесь, — громил Горького, Хемингуэя и многих других — и в общем “имел великолепное время”. Говорил между прочим о вас, Бунине и себе (не громя)» (BAR. Aldanov Papers. Box 6).

Чуть раньше, 27 марта 1941 г., Набоков писал Э. Уилсону: «Мои лекции имеют приятный успех. Мимоходом я расправился с Максимом Горьким, Хемингуэем — и немногими другими, — трупы невозможны идентифицировать...» (Nabokov's letter to Wilson. 1941. March 27 // The Nabokov—Wilson Letters. P. 6).

6. Зензинов—Набокову. 28 апреля 1944 г.

¹ Вера Ивановна Руднева, урожд. Винокурова (1879 — 5 ноября 1952, Нью-Йорк) — жена видного эсера В. В. Руднева; в первом браке за доктором Э. В. Шмидтом. В 1905 г. — секретарь Московской организации партии эсеров. Прошла тюремное заключение и многолетнюю ссылку — сначала в Нарымском крае, потом вместе с мужем в якутской Амге. Арестована большевиками в 1918 г. как заложница мужа, содержалась в Бутырках. 5 апреля 1919 г. эмигрировала вместе с ним. До немецкой оккупации жила в Париже, где В. Руднев был соредактором «Современных записок». После его смерти (19 ноября 1940 г., По, Франция) переехала в США. С 3 июня 1941 г. жила в Нью-Йорке, зарабатывая на жизнь шитьем и работой на фабрике игрушек.

² Клуб «Горизонт» — объединение русских эмигрантов в Нью-Йорке для проведения мероприятий просветительского характера. Правление клуба — 25 человек, количество участников — 200 человек. Руководители — Исаак Наумович Альтшуллер и Н. Д. Авксентьев (см. примеч. 1 к письму № 2). После их смерти в 1943 г. председателем клуба стал А. П. Едвабник; казначей — С. С. Атран. Председателем лекционной комиссии был Зензинов, среди членов: Алданов, Николаевский и др. Программа лекций составлялась на сезон. «Горизонт» имел постоянное помещение на 200 мест, оплата лекторам составляла 25 долларов.

³ «Новое русское слово» — ежедневная газета, выходит в Нью-Йорке с 1910 г. по настоящее время. Главные редакторы: В. И. Шимкин, М. Е. Вайн-

баум (1923—1973); А. Седых (Я. М. Цвибак) (1973—1993). В настоящее время президент и издатель — Валерий Вайнберг.

7. Набоков—Зензинову. 2 мая 1944 г.

¹ Роман В. В. Набокова «Дар» был напечатан в 1937—1938 гг. в журнале «Современные записки» (№ 63—67) с изъятием главы четвертой («Жизнь Чернышевского»). В № 67 в редакторском примечании было сказано, что глава «пропущена с согласия автора», хотя на самом деле Набоков категорически отверг какие-либо сокращения. Этому предшествовала бурная переписка Набокова с В. В. Рудневым, одним из соредакторов журнала (см.: Минувшее. Вып. 8. С. 274—281). Полностью роман был опубликован лишь в 1952 г. Издательством им. Чехова (Нью-Йорк).

² «Новый журнал» был основан в Нью-Йорке в 1942 г. М. А. Алдановым и М. О. Цетлиным и ими же редактировался: Алдановым до № 5, Цетлиным — до № 11. М. М. Карпович вошел в состав редакции с № 5 и после смерти М. О. Цетлина, начиная с 12-го номера, редактировал журнал самостоятельно на протяжении 13 лет (1946—1959). Следующим редактором был Р. Гуль (в соредакторстве с С. П. Денике и Н. С. Тимашевым). С 1990 г. — Ю. Д. Кашкаров, с 1995 г. по настоящее время — В. П. Крейд. Выходит один раз в квартал.

8. Зензинов—Набокову. 8 мая 1944 г.

¹ От лат. *auspicium* — предзнаменование, виды на будущее.

² Вероятно, пропущено слово «прогнозе».

³ От лат. *im* (отриц. приставка) + *pondera* (взвешивать, судить) — то, о чем невозможно судить.

⁴ Михаил Осипович Цетлин (псевд. Амари; 10 августа 1882, Москва — 10 ноября 1945, Нью-Йорк) — поэт и прозаик. Член партии эсеров. Эмигрировал в 1907 г. В 1910 г. женился на М. С. Тумаркиной (в первом браке — Авксентьевой). Автор книг «Стихотворения» (1906), «Лирика» (Париж, 1912, под псевд. «A. Marie»), «Глухие слова. Стихи 1912—1913 гг.» (издво «Зерна», 1916). До 1917 г. жил во Франции и Швейцарии, печатаясь в зарубежных русскоязычных изданиях. После Февральской революции семья Цетлиных вернулась в Россию, но в 1919 г. эмигрировала в Париж. Литературно-политический салон в парижском доме Цетлиных посещали известные писатели и политические деятели, близкие партии эсеров. В Париже Цетлин издал сборник стихов «Прозрачные тени» (1920). В 1923 г. совместно с женой издавал альманах «Окно» (№ 1—3). Принимал участие в заседаниях литературного объединения «Зеленая лампа» в квартире Мережковских. Участвовал в журнале «Современные записки», где был консультантом отдела поэзии и регулярно рецензировал новые сборники стихов (в третьей главе романа «Дар» рецензия критика Валентина Линева на книгу стихов Кончеева пародирует приемы рецензирования М. О. Цетлина). Опубликовал более 60 рецензий. (См. рец. М. Цетлина: «Король, Дама, Валет» В. Сирона. Берлин, 1928 (Современные записки. 1928. № 37. С. 536—537); «Возвращение Чорба» В. Сирона. Берлин, 1930 (Современные записки. 1930. № 42, С. 530—531); «Подвиг» В. Си-

рина. Париж, 1932 (Современные записки. 1933. № 51. С. 458—459)). Автор книги «Декабристы. Судьба одного поколения» (1933). С 1941 г. — в США. В 1942 г. вместе с Алдановым основал «Новый журнал», который издавал на свои средства и редактировал до своей смерти в 1945 г.

⁵ Пятеро и другие (Могучая кучка). Нью-Йорк, 1944. Отрывки из книги были опубликованы в первых номерах «Нового журнала». Начиная с № 4 за 1943 г. в «Новом журнале» печаталось объявление о подписке на книгу, вышедшую затем в апреле 1944 г. См. рец. М. А. Алданова: Новый журнал. 1944. № 8. С. 405—408.

9. Зензинов—Набокову. Май (не ранее 8, не позднее 12) 1944 г.

Датируется по предыдущему и последующему письмам.

¹ На отдельном листе Зензинов воспроизвел «макет» билета:

«ВЕЧЕР ЧТЕНИЯ

В. В. НАБОКОВА-СИРИНА

СТИХИ И ПРОЗА

Вступительное слово М. А. Алданова

27 мая, суббота, 1944

«Горизонт» 23 Вест 53 Стрит»

В это же время Набоков писал Алданову:

«8.V.44.

Дорогой Марк Александрович,

спасибо за милое письмо.

Кажется, скоро повидаю вас. Зензинов мне писал о возможности устройства “выступления”. Давно я не слышал громогласного картавого чтения Сирина» (BAR. Aldanov Papers. Box 6).

² От франц. voila (вот так!).

11. Зензинов—Набокову. 15 мая 1944 г.

¹ Б. М. Авксентьева — вторая жена Н. Д. Авксентьева (см. примеч. 1 к письму № 2).

² М. С. Цетлина (урожд. Тумаркина; 1882—1976). С 1906 по 1909 г. жена Н. Д. Авксентьева; с 1910 г. — жена М. О. Цетлина (см. примеч. 4 к письму № 8). После смерти мужа, редактора «Нового журнала», принимала участие в его финансировании вплоть до 1950-х гг. С 1953 по 1958 г. финансировала журнал «Опыты». Дети: от первого брака — дочь Александра Николаевна Авксентьева (в замужестве Прегель), от второго брака — дочь Ангелина Михайловна Цетлин-Доминик.

12. Набоков—Зензинову. Около 15 мая 1944 г.

Датируется по помете Зензинова «18/V», поставленной при получении письма.

14. Зензинов—Набокову. 24 мая 1944 г.

¹ По поводу денег от Литературного фонда Алданов писал Зензинову 23 мая 1944 г.:

«Дорогой Владимир Михайлович.

Удалось сегодня получить в Фонде для Сирина 200 долларов, — точнее 175, поясню при встрече. Это, кажется, самая большая сумма, которую когда-либо выдавали отдельному лицу. Но деньги выдали, и я при сём препровождаю Вам чек на 200 долларов. Пошлете ли Вы их Владимиру Владимировичу? Т. к. он спрашивает Ваш номер телефона, то, вероятно, он приезжает в Нью-Йорк? Знаю, что он не то сегодня, не то завтра читает лекцию в Итаке. Решите вопрос о способах доставки ему денег сами. Комитет настойчиво просил о том, чтобы он прислал расписку (на имя Комитета, на 200 долл., для его отчетности).

Если можно, пожалуйста, подтвердите мне, что получили чек, — я всегда опасаюсь, что письмо может пропасть. Вечер же Владимира Владимира Владимира, по-видимому, до осени устроить невозможно: я вполне с Вами согласен.

Шлю сердечный привет.

Ваш М. Ландау» (BAR. Aldanov Papers. Box 6).

Сохранилось ответное письмо Зензинова:

«New York. 29 мая 1944 г.

Дорогой Марк Александрович,

пересылаю Вам расписку В. В. о получении им у Лит. фонда 200 (двухсот) долларов» (BAR. Zenzinov Papers. Box 1).

15. Набоков—Зензинову. 28 мая 1944 г.

¹ Напечатано на бланке университета: «Stanford University. School of Letters. Department of Slavic Languages».

² См. примеч. 1 к письму № 14.

³ Так в тексте: «Iork» вместо «York».

⁴ Пушкин в Кишиневе. Главы из романа Ив. Новикова «Пушкин на юге» (Новое русское слово. 1944. 15—20 мая; 22—27 мая; 29 мая).

16. Набоков—Зензинову. 11 декабря 1944 г.

¹ Summer school (англ.) — летняя школа.

² 8 ноября 1942 г. газета «Новое русское слово» сообщала: «Бунаков-Фондаминский отправлен в Германию». 31 августа 1943 г. в той же газете появились «Вести из Европы»: «Анатолий Штейгер подтверждает печальную весть о том, что И. И. Бунаков-Фондаминский был “перевезен в место, откуда еще никогда никто не выходил живым”. Его можно считать погибшим. Хочется плакать, когда вспоминаешь об этом прекрасном и талантливейшем человеке...» 25 ноября 1944 г. в заметке «Вести из Парижа» сообщалось: «Бунаков-Фондаминский депортирован в Польшу».

Через две недели после отправки письма Набоковым Зензинов писал Карповичу:

«30/XII 44.

<... Что касается Ильюши, то вот какие новые данные о нем имеются. Вера Ивановна отправила телеграмму Долгополову с запросом о знакомых и друзьях. 19 декабря она получила от Долгополова такую телеграмму: «Рая (сестра Ильюши), Наташа (ее дочь), Феничка (Шлезингер-Ланде), Кампанари (знакомая Веры Ивановны) живы и здоровы. Ильюша депортирован, но есть слух, что он освобожден русскими» (BAR. Zenzinov Papers. Box 1).

19. Набоков—Зензинову. Февраль 1945 г.

На 1-й странице автографа — помета о получении письма рукой Зензинова: «6/III».

¹ Этот фрагмент письма был переведен на английский язык и опубликован в американской биографии Набокова. См.: Boyd B. Vladimir Nabokov: The American Years. Princeton, 1990. P. 84.

² Nabokov V. An Evening of Russian Poetry // New-Yorker. 1945. March 3. P. 23—24.

20. Зензинов—Набокову. 7 марта 1945 г.

¹ Василий Алексеевич Маклаков (8 мая 1870, Москва — 15 июня 1957, Баден, Швейцария) — юрист, политик, публицист. С 1897 г. служил в московской адвокатуре. Член ЦК партии кадетов. В день Октябрьского переворота был назначен послом Временного правительства во Франции, но 17 ноября 1917 г. по распоряжению Л. Троцкого был лишен этого звания. Оставался в помещении посольства до 1924 г., когда Франция официально «признала» Советскую Россию. Во Франции Маклаков был представителем русских беженцев при Лиге Наций. Пользовался большим авторитетом не только в среде эмиграции, но и в международных дипломатических кругах, входил в Совет послов. 12 февраля 1945 г. возглавил группу русских эмигрантов, посетившую советского посла Богомолова в здании советского посольства в Париже. Этот поступок имел огромный резонанс и много обсуждался в эмигрантской прессе. См.: Будниций О. Попытка примирения. СПб.: Феникс, 2001. С. 179—240.

² Митрополит Евлогий и В. А. Маклаков посетили советского посла Богомолова. (От парижского корреспондента «НРС» Я. Я. Кобецкого) // Новое русское слово. 1945. 7 марта. С. 1—2.

³ Александр Ефремович Богомолов (1900—1969) — советский дипломат, имел ранг чрезвычайного и полномочного посла. На дипломатической работе находился с 1939 г. В 1939—1940 гг. — генеральный секретарь, заведующий Первым Западным отделением НКИД; в 1940—1941 гг. — советник полпредства, затем полпред СССР во Франции; в 1941—1943 гг. — посол СССР при союзных правительствах в Лондоне; в 1944—1950 гг. — посол СССР во Франции; в 1950—1952 гг. — зам. министра иностранных дел СССР; в 1952—1954 гг. — посол СССР в Чехословакии; в 1954—1957 гг. — посол СССР в Италии; в 1957—1962 гг. — на ответственной работе в центральном аппарате МИД СССР.

21. Набоков—Зензинову. 17 марта 1945 г.

Это письмо было переведено на английский язык и опубликовано в американской биографии Набокова. См.: *Boyd B. Vladimir Nabokov: The American Years*. P. 84—85. Возможно, что «визит» послужил поводом для сюжета рассказа «Double Talk» (*New-Yorker*. 1943). См.: *Набоков В. Групповой портрет // Набоков В. Собр. соч. американского периода: В 5 т. Т. 3. С. 218—232.*

22. Зензинов—Набокову. 11 июня 1945 г.

¹ Александр Иванович Коновалов (17 сентября 1875 — 1948, Нью-Йорк) — фабрикант и политический деятель. В 1912 г. — член ЦК партии прогрессистов. Член IV Государственной Думы. В период Первой мировой войны — товарищ председателя Центрального военно-промышленного комитета. Министр торговли и промышленности Временного правительства. В июле 1917 г. вошел в ЦК партии кадетов. В октябре 1917 г., замещая Керенского, организовывал вооруженное сопротивление большевикам (25 октября 1917 г. им была послана последняя телеграмма Временного правительства в Ставку). В ночь с 25 на 26 ноября 1917 г. вместе с другими министрами Временного правительства был арестован. После освобождения в начале 1918 г. эмигрировал во Францию. В эмиграции — председатель «Союза общественных организаций». В 1921 г. вступил в группу, поддерживающую «новую тактику» П. Н. Милюкова (кадеты и правые эсеры). Один из руководителей Земгора. Во время немецкой оккупации Франции переехал в США, затем вернулся во Францию.

² Кедров Михаил Александрович (1878—1945) — вице-адмирал, командующий Черноморским флотом. Окончил Московский кадетский корпус (1896), затем — Морской кадетский корпус (1899). Участник русско-японской войны. Окончил Михайловскую артиллерийскую академию (1907), участник Первой мировой войны. Начальник минной дивизии Балтийского флота. После Февральской революции — помощник морского министра (5 марта 1917), начальник Морского генерального штаба (4 апреля 1917), уполномоченный морского министра при русском правительстве в Лондоне (14 июня 1917). Правительством адмирала А. В. Колчака назначен командующим транспортом за границей по снабжению белых армий. В 1920 г. назначен командующим Черноморским флотом вместо вице-адмирала М. П. Саблина. Вывел Черноморский флот в Бизерту (Тунис). После разоружения и передачи кораблей Франции переехал в Париж. После окончания высшего учебного заведения получил диплом инженера путей сообщения. Один из основателей и член Военно-морского общества, Союза русских офицеров — участников войны. В эмиграции входил в РОВС.

³ Михаил Матвеевич Тер-Погосян (1890—1967) — эсер, депутат Учредительного собрания. Эмигрировал, жил в Париже. Масон, мастер ложи «Объединенное братство». См о нем: *Берберова Н. Люди и ложи. Нью-Йорк, 1986. С. 168.*

23. Набоков—Зензинову. 17 июня 1945 г.

На обороте письма рукой Зензинова запись карандашом адреса А. Ф. Даманской (см. примеч. 2 к данному письму): «A. amansky. 201.11d Pereire Paris XVII».

¹ В курсе (*франц.*).

² Августа Филипповна Даманская (28 июля 1877 — 27 января 1959) — писательница, переводчица. В 1818—1819 гг. член петроградского Союза деятелей художественной литературы (СДХЛ). Была лондонским корреспондентом газеты «Биржевые ведомости». Член Всероссийского общества профессиональных литераторов-переводчиков, как переводчица сотрудничала в издательстве «Всемирная литература». В 1920 г. нелегально перешла эстонскую границу. Жила в Ревеле. Публиковалась в эсеровских газетах «Народное дело» (ежедневный орган комитета группы эсеров северо-западной области, выходил в 1920—1921 гг. в Ревеле), «Воля России» (1920—1921), «Дни» (редактор Керенский, Берлин — Париж, 1921—1928); в рижской газете «Сегодня» (1919—1940). Благодаря И. В. Гессену, «позаботившемуся о визе», в 1921 г. Даманская переехала в Берлин и начала сотрудничать в газете «Руль». Даманская была свидетельницей убийства В. Д. Набокова 28 марта 1922 г. в Берлине и начала творческого пути юного В. Набокова, с которым сотрудничала в одном альманахе в издательстве «Границы». (См. рецензию Набокова на роман А. Даманской «Жены» (Руль. 1929).) С сентября 1923 г. Даманская переехала в Париж, стала постоянным сотрудником в газете «Последние новости». Еще в России Даманской были изданы три сборника рассказов; в эмиграции написаны книга «Карточные домики советского строительства» (Берлин, 1921), путевые очерки «По следам Гейне» (журнал «Воля России», 1921), роман «Вихоревы гнезда» (Берлин, 1923), повесть «Вода не идет» (Берлин, 1922), книга «Радость тихая: путевые заметки» (Париж, 1929), роман «Миранда» (Нью-Йорк, 1953). Даманская оставила огромное переводческое наследие. Мемуары Даманской «На экране моей памяти» см.: Новый журнал. 1995. № 198—199; 1996. № 201—204. Критикуя женскую прозу, публикуемую в «Новом журнале», Набоков иронически писал Алданову 6 мая 1942 года:

«...Из них для приза пошлости и мещанской вульгарности я по-прежнему выбираю Александру Толстую. Нина Федорова, которая сама по себе находится, конечно, вне литературы, кажется по сравнению с нею почти Даманской...» В ответном письме от 13 мая 1942 г. Алданов отвечал: «...Получил Ваше остроумное письмо, — хотят, читая его (особенно о «почти Даманской»...)» (BAR. Aldanov Papers. Box 6).

24. В. Е. Набокова—Зензинову. 25 октября 1945 г.

¹ Сергей Владимирович Набоков (28 марта 1900, Санкт-Петербург — 10 января 1945, лагерь Нейе Гамма, Германия) — младший брат В. В. Набокова. Учился в Оксфорде (Англия). «Сергей был денди, эстет и балетоман», — вспоминала приятельница В. В. Набокова по Кембриджу (*Leon Noel L. Playback // Triquarterly. 1970. № 176. P. 209*). Характеристика и портрет Сергея даны во второй главе книги Н. Д. Набокова «Багаж» (Звезда. 1998. № 10). После гибели В. Д. Набокова и окончания универ-

ситета переехал в Париж. 1 октября 1945 г. в первом же письме брату после девяностилетней разлуки Е. В. Сикорская писала: «Бедный Сережа! Он мог быть сейчас в Праге. За неделю до его ареста его пригласили сюда преподавать английский язык. Он не успел приехать. Я ничего не могу о нем узнать, хотя наводила всюду справки» (*Набоков В. Переписка с сестрой. Ann Arbor, 1985. С. 7*). В письме от 9 октября 1945 г. она же писала: «Хочу тебе написать подробности о Сереже <...> Он <...> работал в полу-русском учреждении, открыто высказывал свое мнение. На него донесли, и 15 декабря 1943 года он попал в концентрационный лагерь. Я старалась с Е. К. <Евгения Константиновна Гофельд и Онечкой <Софья Дмитриевна Фазольт посыпал ему все, что было возможно, но у нас у самих ничего не было. В марте этого года Онечка мне написала, что ей удалось выяснить, что бедный наш Сережа умер 10 января 1945 г. в тюрьме в Гамбурге (в Нейенгамме). Ей написали, что он умер от болезни желудка и сожжен в крематории. Ничего больше нельзя было узнать. Я наводила справки всюду, но ничего не удается узнать. Когда он тут был, он мне показался таким не от мира сего, словно на нем лежала печать его трагического конца» (Там же. С. 13). 25 октября 1945 г. Набоков отвечал: «Весть о Сереже меня особенно потрясла, потому что никаких опасений его судьба не вызывала» (Там же. С. 19), а год спустя, 23 декабря 1946 г., писал: «Получил добавочные сведения о бедном нашем Сереже. Он высказывал суждения — говорил (в Берлине!), что немцы никогда не сломят англичан и французов, и его сослуживцы (в бюро переводов, в Берлине) донесли на него, его арестовали, он держался героем до самого конца» (Там же. С. 42).

«С осени я в контакте с моими родными, живущими в Праге, — писал Набоков Алданову 8 декабря 1945 г. — Узнал от них, что брат мой Сергей был взят немцами и погиб в концентрационном лагере под Гамбургом. Говорят, живя в Берлине в 1943 году, он слишком откровенно выражался и был обвинен в англосаксонских симпатиях. Мне совершенно не приходило в голову, что он мог быть арестован <...> я полагал, что он спокойно живет в Париже или Австрии, но накануне получения известия о его гибели я в ужасном сне видел его лежащим на нарах и хватающим воздух в смертных содроганиях». 16 декабря 1945 г. Алданов отвечал: «...Я не узнал вашего брата, не знаю даже, был ли он Вам близок не только по крови, но я по своему опыту знаю, каково прочесть о гибели в лагере людей, с которыми прошла большая часть жизни. Всей душой сочувствую Вам, дорогой друг...» (BAR. Aldanov Papers. Box 6).

В письме к Э. Уилсону от 27 сентября 1945 г. Набоков писал: «...Мой дорогой брат был брошен немцами в один из самых страшных концентрационных лагерей (близ Гамбурга) и там исчез. Эта новость привела меня в страшный шок, ибо Сергей был последним человеком, относительно которого я мог бы вообразить, что он может быть арестован (за симпатии к англосаксам); он был мягким, слегка ленивым восторженным человеком, кто проводил свою жизнь в неопределенности, путешествуя между Латинским кварталом и замком в Австрии, который он делил вместе с другом» (*The Nabokov — Wilson Letters. Р. 156*).

² В Праге с 1923 по 1947 г. проживала родная сестра Набокова — Елена Владимировна Сикорская (31 марта 1906 — 9 мая 2000). В 1945 г. там же жила воспитательница сестер Набокова Евгения Константиновна Гофельд (1886—1957) с сыном.

³ С осени 1941 г. Набоков начал работать в Гарвардском музее компаративной зоологии сначала как волонтер (безвозмездно), а с 1942 по 1948 г. занимал платную должность куратора. Кроме того, с осени 1941 по весну 1942 г. он занимал должность приглашенного лектора по курсу сравнительной литературы в Wellesley College. С 1943 по 1948 г. в том же колледже Набоков работал в качестве временного лектора по русскому языку и литературе.

25. Зензинов—Набоковым. 27 марта 1946 г.

¹ Двоюродный брат В. В. Набокова — Николай Дмитриевич Набоков (17 апреля 1903, Любча Новогрудского уезда Минской губернии — 6 апреля 1978, Нью-Йорк) был знаменитым композитором. В 1920—1922 гг. учился в Консерватории в Штутгарте, а позже — в Консерватории Страсбурга. В Берлине брал уроки фортепиано у Ф. Бузони. В 1923 г. переехал в Париж, учился в Сорbonne, получив там степень бакалавра искусств. Работал с «Русским балетом» Дягилева. В 1933 г. переехал в США, где преподавал музыкальные дисциплины в различных колледжах. В 1945—1946 гг. Н. Д. Набоков был офицером по культурным связям при американских правительственные войсках в Германии. Одинаковые фамилии двоюродных братьев — композитора и писателя — часто приводили к путанице.

² Давид Натанович Шуб (1887, с. Поставы Виленской губ. — 1973, Нью-Йорк) — публицист и историк. Автор классических работ о Ленине. В ранней юности примкнул к социал-демократическому движению. В 1903 г. уехал за границу, жил в Лондоне, Париже, Женеве, встречался с Плехановым, Лениным, Потресовым, В. Засулич, Луначарским и др. В 1905 г. вернулся в Россию и принял участие в 1-й русской революции. Несколько раз был арестован, заключен в тюрьму, сослан в Сибирь, откуда в 1907 г. бежал за границу. В 1908 г. приехал в США. Работал как профессиональный журналист в русско-американской прессе. Постоянный сотрудник газеты «Forverts». Поддерживал связи с представителями русской эмиграции — Милюковым, Керенским, Бурцевым. В 1948 г. издал биографию Ленина по-английски, которая была переведена на 20 европейских языков (Lenin: A Biography), книга была принята частью университетов США в качестве учебного пособия по истории русской революции и коммунизма. Автор двухтомника «Герои и мученики» (биографии виднейших западноевропейских и русских социалистических деятелей и мыслителей конца XIX — начала XX в.) и книги «Политические деятели России 1850-х—1920-х годов» (1969). Делал передачи для радиостанции «Свобода».

³ «Форвертс» — ежедневная, самая большая и влиятельная газета на идиш (Нью-Йорк), основана в 1897 г. С 1901 по 1951 г. редактор газеты — Абрам Каган. В годы расцвета тираж — более 200000 экз. Поддерживалась социал-демократической еврейской трудовой партией и профсоюзами. В настоящее время выходит на английском и русском языках.

⁴ Берлин, 4 ноября 1945 г.

<... Я знаю, что ты интересуешься в основном русскими и тем, что происходит при русских... Я спросил Набокова, какова была реакция советских, когда они слышали его имя. Он сказал, что в большинстве случаев эта реакция была следующей: «О, Набоков это большое имя», и они отно-

сились к нему с глубоким уважением. Он даже встретил советского драматурга, некоего майора Щеглова, которого он знал со школьных дней еще до революции и который также очень тепло отнесся к нему. Конечно же, не все советские офицеры знают его имя. Один из них сказал: «Набоков, о, да, известный игрок на фаготе» (англ.).

⁵ Борис Давидович Шуб — переводчик рассказов Бунина на английский язык.

⁶ Речь, вероятнее всего, о младшем брате Набокова — Кирилле (4 июня 1911, с. Выра — 6 апреля 1964, Мюнхен), работавшем в военные годы переводчиком при американской армии в Берлине (см. о нем: *Ледковская М. В. Забытый поэт // Новый журнал. 1997. № 209. С. 277—287*).

⁷ Набоков получил американское гражданство 12 июля 1945 г.

⁸ См. письмо А. Ф. Керенского Н. Н. Берберовой от 17 апреля 1946 г. о смерти жены в кн.: *Берберова Н. Н. Курсив мой. С. 353—355*.

26. Набоков—Зензинову. 11 января 1948 г.

Ответ на неизвестное письмо Зензинова.

¹ С мая 1941 г. по июль 1947 г. нью-йоркская группа партии эсеров издавала свой журнал «За свободу». На 18-м номере издание прекратилось, т. к. группа не располагала необходимыми материальными средствами. Журнал распространялся не только в США, но и в других странах и на других континентах: в Европе и Австралии. Редакция: В. М. Зензинов, В. М. Чернов, М. О. Левин. Среди авторов: Н. Авксентьев, А. Керенский, С. Соловейчик, Г. Арансон, М. Вишняк, М. Алданов, И. Тартак, Г. Федотов, Д. Шуб.

27. Набоков—Зензинову. 18 июня 1949 г.

¹ Наталья Симон (урожд. Лебедева) — племянница И. И. Фондаминского, дочь его сестры Раисы Исидоровны.

² В. Г. Терентьев — Владимир Герасимович Терентьев (1896—1968). 2 апреля 1946 г. Г. Струве писал Набокову из Англии: «Не так давно много слыхал о Вас от В. Г. Терентьева, с которым познакомился здесь и часто встречался (я ему рекомендовал в ЮНО двух моих знакомых, которые, вероятно, скоро отправятся в Америку, и тогда Вы, м. б., с ними познакомитесь» (New York Public Library. Berg Collection. Nabokov Papers).

³ Зензинов В. М. Памяти И. И. Фондаминского-Бунакова // Новый журнал. 1948. № 18. С. 299—316.

⁴ В Корнельском университете (г. Итака, штат Нью-Йорк) Набоков преподавал с 1948 по 1959 г.; вел курсы: русской литературы, «Мастера европейской прозы»; спецкурсы: творчество Пушкина, модернизм в русской литературе.

28. Зензинов—Набокову. 28 июня 1948 г.

¹ Раиса Исидоровна Лебедева (урожд. Фондаминская).

29. Набоков—Зензинову. 10 января 1949 г.

Напечатано на бланке университета: «Cornell University. Department of Russian Literature. Ithaca, New York».

¹ По ошибке датировано Набоковым «10 января 1948 г.». Правильная дата установлена по помете Зензинова, который получил письмо на следующий день и пометил датой: «Jan. 11 1949», что соответствует и содержанию письма.

² Константин Иванович Солнцев (1894, Спасск Рязанской губернии — 20 июля 1961, Нью-Йорк) — библиофил, коллекционер, журналист. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета. После революции 1917 г. эмигрировал в США, но вскоре вернулся в Европу, несколько лет прожил в Берлине, сотрудничал в газете «Руль». В середине 1920-х гг. переехал в Париж, где принимал участие в журнале С. П. Мельгунова «Голос минувшего на чужой стороне». Собирал материалы по русской литературе, истории и культуре, фиксировал события в жизни русской общины за рубежом. В его собрании — рукописи Ремизова и близкого ему литературного круга. В окрестностях Шартра построил павильон для своих книг и архива. После окончания Второй мировой войны принимал участие в организации Мельгуновым Комитета помощи новым эмигрантам, выдачи которых требовал Советский Союз, а позже — в создании Союза борьбы за свободу России (СБСР). В 1948 г. опять в США. С 1952 г. преподавал русский язык и литературу в университете (Сиракуз). Сотрудничал в «Новом журнале» и в газете «Новое русское слово».

³ Сергей Петрович Мельгунов (24 декабря 1879, Москва — 29 мая 1956, Шампиньи, Франция) — общественно-политический деятель, историк, издатель; член ЦК Народно-социалистической партии. В 1911 г. — один из основателей издательства «Задруга». В марте 1917 г. назначен Временным правительством уполномоченным по обследованию архивов. Участник нелегальных антибольшевистских организаций «Союз возрождения России» и «Тактический центр». В августе 1920 г. по делу «Тактического центра» приговорен к смертной казни, замененной 10 годами тюрьмы. В 1921 г. освобожден под давлением научной общественности. В октябре 1922 г. выслан за границу. Вместе с В. А. Мякотиным и Т. И. Полнером издавал в Берлине, а затем в Париже (1923—1928) историко-литературный журнал «На чужой стороне» (с 1926 г. — «Голос минувшего на чужой стороне»). С 1926 г. издавал журнал «Борьба за Россию». Редактор журнала «Возрождение» (1949—1954) и «Русский демократ» (1948—1956). С 1946 по 1956 г. — председатель Союза борьбы за свободу России (СБСР). Исследователь Февральской, Октябрьской революций и гражданской войны. Автор около 50 статей и книг; наиболее известны: «Красный террор в России» (М., 1990; 5-е изд.); «На путях к дворцовому перевороту» (Нью-Йорк, 1989; 3-е изд.); «Судьба императора Николая II после отречения» (Париж, 1951).

30. Зензинов—Набокову. 15 и 16 января 1949 г.

¹ В тот же день, 15 января 1949 г., Зензинов запросил К. И. Солнцева о набоковских письмах к матери и сообщил адрес Набокова для непосред-

ственной переписки (см.: В. Зензинов — К. Солнцеву. 15 января 1949 г. — Amherst College Center for Russian Culture. K. Solntsev Papers).

² Общество взаимопомощи «Надежда» было основано в Нью-Йорке в 1945 г. группой общественных деятелей, приехавших из Европы после Второй мировой войны. В инициативную группу входили: председатель общества — В. М. Зензинов, Л. М. Розенталь, А. А. Гольденвейзер, А. С. Атран, И. Н. Левитин, А. С. Каган, Ю. Болотовский, Е. М. Далина, А. И. Литтон, В. А. Александрова, Р. В. Комар, А. И. Чернов, Г. С. Агаджанян. Общество периодически устраивало вечера и лекции и выдавало из своих доходов ссуды и пособия нуждающимся. Для получения ссуды необходимо было поручительство двух лиц. Последним председателем общества был Р. Б. Гуль, генеральным секретарем — Е. М. Далина. Здесь выступали с докладами М. М. Карпович, В. А. Александрова, С. С. Максимов, М. М. Косяков, В. К. Завалишин, М. В. Вишняк, Р. Б. Гуль, В. М. Зензинов; прошли вечера памяти С. Есенина и Саши Черного, вечер Тэффи, два вечера Г. Газданова и три вечера поэзии и прозы В. Набокова. Общество существовало до 1968 г.

³ «Кружок русских юристов» был основан в Нью-Йорке в апреле 1945 г. по инициативе А. А. Гольденвейзера. В качестве докладчиков, кроме самого Гольденвейзера, выступали М. М. Карпович, М. В. Вишняк, Б. И. Николаевский, Я. Д. Робинсон, Н. С. Тимашев и др.

⁴ *Les beaux esprits se rencontrent* — Великие умы всегда найдут общий язык! (франц.)

31. Набоков—Зензинову. 21 января 1949 г.

¹ Алексей Александрович Гольденвейзер (1890—1979) — потомственный юрист, писатель. Закончил юридический факультет Киевского университета. Преподавал государственное право и теорию права. В начале 1920-х гг. бежал из России в Германию, где работал в качестве юриста в «Союзе русских евреев». Участвовал в деятельности нансеновской комиссии по делам о беженцах при Лиге Наций. С 1937 г. жил в США. Инициатор создания в Нью-Йорке «Кружка русских юристов». Вел большое количество дел, связанных с иммиграционными визами. Книги, изданные в Нью-Йорке: «Я. Л. Тейтель» (1944); «В защиту права: Статьи и речи» (1952); «Сборник статей» (1960); «Книга о русском еврействе» (1968). Переписка семьи Набоковых с семьей Гольденвейзера началась со времени переезда последнего в Америку и длилась до середины 1970-х гг. С помощью Гольденвейзера жена Набокова с конца 1962 г. получала небольшую пожизненную пенсию — компенсацию от Германии за нанесенный жизненный ущерб: потерю работы и места жительства с приходом к власти Гитлера.

² В ответном письме Солнцеву от 21 января 1949 г. Набоков благодарит его «за труд, положенный на разборку и хранение бумаг, среди которых находятся письма матери». Только 16 декабря 1950 г. Солнцев сообщает Набокову о готовности вручить письма. В письме от 8 января 1951 г. он дает знать о посылке писем. 25 января 1951 г. В. Е. Набокова в ответном письме благодарит Солнцева за присылку 4-х писем матери Набокова и 2-х писем от английского издателя (См.: Amherst College Center for Russian Culture. K. Solntsev Papers).

32. Набоков—Зензинову. 8 марта 1949 г.

Ответ на неизвестное письмо Зензинова. Напечатано на машинке с латинским шрифтом.

¹ 8 марта 1949

Дорогой друг Владимир Михайлович.

Простите, что пишу по-английски, русская машинка болеет (*транслитерация*).

² Я мог бы читать в вашем клубе 16, 17, 18, 23, 24 или 25-го апреля.

Я мог бы прочитать только какие-нибудь стихи и короткий фрагмент прозы.

На все ушло бы приблизительно час и двадцать минут плюс короткий перерыв. Если Вы считаете, что это увеличило бы интерес к чтению, я мог бы еще включить стихотворение о русских делах на английском языке.

Мне бы хотелось сделать это *даром*, но у меня в этом году были слишком большие расходы. Не могли бы Вы мне выплатить 50 долларов, чтобы покрыть мои расходы? (*англ.*)

³ Буду страшно рад Вас повидать. Ваш

В. Н. (*транслитерация*)

33. Набоков—Зензинову. Не позднее 22 марта 1949 г.

Написано на личном бланке Набокова, профессора Корнельского университета: «Cornell University. Department of Russian Literature. Vladimir Nabokov...» На письме рукой Зензинова дата получения: «март 23 1949 года».

35. Набоков—Зензинову. 31 марта 1949 г.

Напечатано на машинке с латинским шрифтом.

¹ 31 марта 1949 (*англ.*).

² Дорогой Владимир Михайлович (*транслитерация*).

³ «Стихи и комментарии» (*транслитерация*).

Речь идет о вечере В. Набокова, состоявшемся 7 мая 1949 г.

Текст пригласительного билета:

ОБЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ «НАДЕЖДА»

приглашает Вас на

ВЕЧЕР В. В. НАБОКОВА-СИРИНА

«СТИХИ И КОММЕНТАРИИ»

Вечер состоится в субботу, 7-го мая 1949 г.,

в 9 ч. веч. в зале «Академия» 314 West 91 St.»

(BAR. Nadejda Papers. Box 3. Invitation card).

⁴ Блестящее. Седьмое мая наиболее удобный день. Я думаю, что название должно быть проще: «Стихи и комментарии». Спасибо за все хлопоты, которые Вы взяли на себя по устройству подходящей даты.

Ваш В. Набоков (*англ.*).

36. Набоков—Зензинову. 2 апреля 1949 г.

Напечатано на машинке с латинским шрифтом.

¹ Цитата из «Евгения Онегина» (гл. VI, строфа XLIII).

² Дорогой Владимир Михайлович.

Пожалуй, я действительно прочту рассказец (кроме стихов) — лета к суровой прозе клонят.

Обнимаю Вас (*транслитерация*).

38. Набоков—Зензинову. 25 апреля 1949 г.

Напечатано на машинке с латинским шрифтом.

¹ 25 апреля 1949

Дорогой мой Владимир Михайлович.

Пожалуйста не нужно никаких стихов и тому подобных штук. Чем проще, тем лучше. Я, впрочем, очень Вам благодарен за добрые намерения.

С удовольствием думаю о близкой встрече.

Ваш (*транслитерация*).

39. Набоков—Зензинову. 3 мая 1949 г.

Напечатано на машинке с латинским шрифтом.

¹ 3 мая 1949

Дорогой Владимир Михайлович.

Приедем в пятницу поздно вечером. Остановимся в отеле Wellington, 7 Авеню и 55 Страт. Позвоните мне туда в субботу утром (не раньше девяти) и скажите, где вечер и в котором часу.

С сердечным приветом

Ваш

Владимир Набоков (*транслитерация*).

40. Набоков—Зензинову. 11 мая 1949 г.

Напечатано на машинке с латинским шрифтом на бланке музея: «Museum of Comparative Zoology at Harvard College. Cambridge 38, Massachusetts».

¹ О каком списке идет речь, не установлено.

Ср. в романе «Bend Sinister (1945—1946): «За исключением юридических документов, — ответил Круг, — да и то еще не всяких, я никогда не подписывал и впредь не стану подписывать ничего, не мною написанного» (Набоков В. Под знаком незаконнорожденных. С. 248).

² 11 мая 1949

Дорогой Владимир Михайлович.

Очень приятно было вас повидать. Мы жалели, что вы не поехали с нами в Итаку. Не хотим вас торопить, но, пожалуйста, решите как можно скорее, едете ли с нами. Мы рассчитываем путешествовать 2—2 ½ месяца

ца и, приехав в Wyoming (после 12-ти дней в Salt Lake City), осесть в какой-нибудь горной деревне. Если судить по проспектам, которые мы только что получили, жизнь там на месте может стоить 45—50 в неделю с человека, но м. б. удастся найти немногого дешевле.

Простите, что возвращаю ваш список неподписанным: я не общественник, и подпись моя для данного дела не имеет ни цены, ни веса. К тому же у меня принцип: ничего не подписывать, что не сам я писал. Еще раз — простите! Прилагаю посильную лепту.

С сердечным приветом от меня и жены.

В. Набоков (*транслитерация*).

41. Зензинов—Набокову. 22 июня 1949 г.

¹ См. приписку к письму № 27 и примеч. 4 к нему.

² «Известия Литературного фонда» — периодическое издание (в брошюрах), где печаталась информация Литературного фонда, а также письма с запросами и ответные письма от лиц, находящихся на оккупированных территориях послевоенной Европы и в лагерях «Ди-Пи».

³ «Комментарии» Набокова на 12 страницах сохранились в BAR (Zenzinov Papers. Box 3). См. с. 135—138 наст. изд.

⁴ В «Известиях Литературного фонда» эта публикация отсутствует.

42. Набоков—Зензинову. Лето 1949 г.

Датируется по содержанию предыдущих писем.

¹ «Современные записки» — ежемесячный общественно-политический и литературный журнал; выходил в Париже с 1920 по 1940 г. (№ 1—70). Соредакторы: Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков, М. В. Вишняк, А. И. Гуковский, В. В. Руднев.

43. Зензинов—Набокову. Лето 1949 г.

Датируется по содержанию предыдущих писем.

44. Зензинов—Набокову. 2 сентября 1949 г.

¹ Варвара Петровна Булгакова — актриса МХАТа. С 1918 по 1924 г. училась у Станиславского и играла в спектаклях «Три сестры», «Вишневый сад», «На дне» и в других пьесах русского репертуара. Во время длительных гастролей МХАТа в Америке в 1922—1924 гг. В. Булгакова и ее муж Л. Булгаков приняли решение о невозвращении. В Америке они организовали студию театрального искусства, где в основу обучения театральному мастерству был положен метод Станиславского. Здесь Булгакова была занята в спектаклях «Принцесса Турандот», «На дне», «Однажды в воскресенье после полудня», «Пролог к подвигу» и др. Играла также в театре на Бродвее, выступала в концертах русской эмигрантской общины Нью-Йорка.

² Иван Данилович Жадан (22 ноября 1902, Луганск — 1995, США) — певец, заслуженный артист РСФСР, первый лирический тенор Большого театра в Москве. В возрасте 10 лет был подмастерьем кузнеца и пел в церкви дер. Купанная. Учился пению в Луганске. В 1923 г. уехал в Москву для поступления в Консерваторию, имея с собой рекомендательное письмо к Сталину от маршала К. Ворошилова, родившегося тоже в Луганске. Директор Консерватории композитор Ипполитов-Иванов слышал пение Жадана, и он был принят. Одновременно для заработка работал инструктором по работе с горячим металлом в московской Аэровоздушной академии. Среди его учеников — Яковлев и Туполов — будущие конструкторы самолетов. После знакомства со Станиславским поступил в театр Станиславского, исполнял арии в операх: Чайковского «Евгений Онегин» (партия Ленского), Римского-Корсакова «Царская невеста» (партия Вани), Верди «Богема» (партия Рудольфа). В 1927 г. был принят в Большой театр, где пел с 1927 по 1941 год. Ему стали поручать ведущие роли; он исполнял партии Синодала в опере Рубинштейна «Демон», индийского гостя в опере Римского-Корсакова «Садко», Берендея в его же «Снегурочке», Юродивого в «Борисе Годунове» Мусоргского, герцога в «Риголетто» Верди. По желанию Сталина Жадан исполнял арию Надира из оперы Бизе «Искатели жемчуга». Специально по просьбе вождя Жадан выучил и исполнял «Калинку». Репетитором и аккомпаниатором Жадана был Матвей Иванович Сахаров — друг С. Раухманнова и дядя физика Андрея Сахарова. Жадан много гастролировал с концертами по Советскому Союзу. В 1935 г. вместе с Д. Шостаковичем и Д. Ойстрахом ездил на гастроли в Турцию; в 1937 г. прошли триумфальные гастроли в Риге. В спектакле «Евгений Онегин», посвященном памяти Пушкина, выступал с Козловским и Лемешевым: в первом действии оперы арию «Я люблю вас...» пел Жадан, во втором действии арию «В вашем доме...» — Лемешев, в третьем — «Куда, куда вы удалились...» — Козловский. После рижских гастролей наступила опала. Жадану было запрещено ехать на гастроли в Таллин и Вильнюс. Его репертуар был ограничен двумя партиями: Ленского и Синодала. Был арестован хорошо относившийся к певцу директор Большого театра Владимир Иванович Мутных. Был отозван посол СССР из Латвии, помогавший доставлять костюмы из Москвы. Сильнейшим ударом было отлучение от концертов в Кремле. Жадан отказался вступить в КПСС. В 1941 г. его имя стояло в черном списке театра.

В начале войны старшего сына забрали в армию. Жадан с женой и младшим сыном переехал из московской квартиры на подмосковную дачу в Манихино. Осенью 1941 г. Манихино было оккупировано, дома, где проживали артисты, были захвачены. 13 артистов Большого театра были вынуждены двигаться на Запад вместе с отступающими немцами. Жадан был отправлен в Versorgungsheim — в дом для престарелых, сирот и больных в Оффенбахе на Майне. Дом принадлежал католическим монахам, которые были рады человеку с «золотыми руками».

После окончания войны по Ялтинскому соглашению русские беженцы были подвергнуты насильственной депортации. Жадан оказался в Германии в американской зоне оккупации. Вернуться на родину категорически отказался; ему пришлось скрываться, менять фамилию. Семейные узы были расторгнуты. После его исчезновения мать жены и старший сын были репрессированы — сосланы в Красноярский край — об этом он узнал много лет спустя. После войны находился на положении «Ди-Пи».

В апреле 1949 г. получил визу в США. Выступал в Карнеги-Холл — два сольных концерта, Таун-Холл (рецензия «Times Magazine». 1950. March 6) и концертах русских эмигрантских общин. В январе 1951 г. переехал во Флориду, в июне 1951-го в г. Тампа женился на Дорисс Клабаф. Последние 40 лет жизни прожил в местечке Сент-Джон, Вирджинские о-ва. В феврале 1958 г. выступал в лютеранской церкви Св. Иоанна с арией «Молитва Бога», посвященной этой церкви, с концертами во Флориде. Критики отмечали «величайшую чистоту, совершенное звучание звука и феноменальный талант». В 1994 г. впервые за полвека приехал в Москву, где встретился со своим сыном Владимиром и семьей. В Тампе в течение 1953—1955 г. Жадан сделал большое количество записей. Сейчас репертуар Жадана с 1929 по 1955 гг. (Россия, Германия, США) представлен на 28 компакт-дисках. Архив Жадана принадлежит его сыну — Владиславу Жадану (см.: <http://members.aol.com/ijadan/>). Также см.: Интервью с Ив. Жаданом для радиостанции «Свобода» // Новое русское слово. 1949. 12 октября; Журин А. «Отверженный». Интервью с Ив. Жаданом // Труд. 1994. 3 августа. С. 7; Сумеркин А. Иван Жадан, или Русский Робинзон Карузо // Русская мысль. 1997. 18—24 сентября. С. 14.

45. Набоков—Зензинову. 13 сентября 1949 г.

Напечатано на машинке с латинским шрифтом.

¹ 13 сентября 1949

Дорогой мой Владимир Михайлович.

Простите, что не сразу ответил: начинается академический год, много работы, а главное — спешу кончить рассказ.

Приехать в конце этого месяца не могу, да кроме того произносить вступительное слово — это не по моей части. Повидать Вас был бы рад, летом мы не раз жалели, что вы с нами не поехали, мы побывали в местах необычайных.

Сердечный привет от нас обоих.

Ваш (транслитерация).

47. В. Е. Набокова—Зензинову. 16 ноября 1949 г.

¹ Николай Чухнов — монархист; разделял идеологию создателей «Союза русского народа». После войны находился на положении «Ди-Пи» в лагере Шлейгейм (под Мюнхеном). Издавал на ротаторе 4-страничную листовку «Огни» (с 1 июня 1946 г.) и «Обзор иностранной печати». В Германии входил в объединение Союз Андреевского флага генерала Глазенапа (САФ). В 1949 г. въехал в США, где начал издавать еженедельную газету «Знамя России» (с 4 сент. 1949 г.). Входил в Русское общемонархическое объединение Северной Америки. Ратовал за «всеэмигрантское объединение» под руководством князя С. С. Белосельского. Выступал против левого крыла русской эмиграции. Автор книги «В смятенные годы. Очерки нашей борьбы в годы 1941—1965» (Всеславянское издательство, 1967; издание осуществлено при поддержке кн. С. С. Белосельского). 17 декабря 1952 г. М. Алданов писал В. Маклакову: «Чухнов — отребье эмиграции» (BAR. Aldanov Papers. Box 6).

² См.: Зензинов В. М. «Знамя России» или «Русское знамя? // Новое русское слово. 1949. 25 сентября. С. 6; К послужному списку Н. Чухнова // Там же (подборка цитат из статей Чухнова и его коллег в газете «Русский бюллетень», выходившей в Белграде в 1941 г.). См. также: Письма в редакцию // Новое русское слово. 1949. 19 августа; Письмо в редакцию // Там же. 1949. 26 августа.

48. Набоковы—Зензинову. Декабрь 1950 или январь 1951 г.

Датируется по содержанию.

¹ Рождественские поздравления и лучшие пожелания в Новом году (англ.).

² 70-летие Зензинова отмечалось 29 ноября 1950 г.

49. Зензинов—Набокову. 28 октября 1952 г.

¹ Сохранился пригласительный билет:

ОБЩЕСТВО ВЗАИМОПОМОЩИ «НАДЕЖДА»

ПРИГЛАШАЕТ ВАС НА ВЕЧЕР

В. В. НАБОКОВА-СИРИНА

в субботу 8 декабря 1951 г. в 8.30 веч.

в помещении Master Institute Hall 323 W. 103 ул.

и Riverside rive» (BAR. Nadejda Papers. Box 3. Invitation card).

² Набоков В. Стихотворения 1929—1951. Париж, 1952. Г. С. Евантулов (?): «...Не дошел ли до Вас сборник Сирина? Евантулов написал о нем идиотски-высокомерно. Это блестящее хамство, но все-таки блестящее, а местами (редко) и самая настоящая поэзия. Терапиано тоже фыркает, а в одной сиринской строчке все-таки больше таланта, чем во всех парижских потугах...» (Г. Адамович — А. Баухрау. 20 июля 1952 г. BAR. Bakhrakh Papers. Box 1.). Газетные рецензии за этот период не обнаружены. Позднее были опубликованы рецензии: Немирок А. Стихи В. Набокова // Границы. 1952. № 16. С. 179—180; Иваск Ю. Рифма (Новые сборники стихов) // Опыты. 1953. № 1. С. 194—199.; Адамович Г. По поводу стихов Вл. Набокова // Новое русское слово. 1953. 29 марта. С. 8; 26 апреля. С. 8; Таубер Е. «Стихотворения» В. Набокова // Возрождение. 1955. Январь. Тетр. 37. С. 139—141.

50. Набоков—Зензинову. 20 ноября 1952 г.

На конверте: «V. Nabokov. Goldwin Smith Hall. Cornell University. Ithaca, N.Y.» Почтовый штемпель: «Ithaca, N.Y. Nov. 20 1952».

¹ См. примеч. 2 к письму 49.

² Nabokov V. Conclusive Evidence. A Memoir. New York, 1951.

³ Набоков В. Другие берега. Нью-Йорк, 1954.

⁴ Вера Ивановна Руднева скончалась 5 ноября 1952 г., о чем извещала газета «Новое русское слово».

53. Набоков—Зензинову. 2 декабря 1952 г.

Напечатано на машинке с латинским шрифтом. На конверте: «V. Nabokov. Goldwin Smith Hall. Cornell University. Ithaca, N. Y.» Почтовый штемпель: «Ithaca, N. Y. Nov 20 1952».

¹ Декабрь 2, 1952

Дорогой Владимир Михайлович.

Мне пришла мысль прочитать получасовую лекцию об Александре Блоке в первой части моего вечера, а затем последует короткий рассказ и несколько стихотворений во второй части. Если такая программа Вас устраивает, Вы можете придумать заглавие для всего мероприятия (англ.).

² Вечер Владимира Набокова-Сирина. Первая часть будет посвящена Слову о Блоке, вторая — собственной прозе и стихам (*транслитерация*).

Вечер Набокова, устройство которого обсуждается в письмах 49—50, состоялся 21 декабря 1952 г. в помещении Master Institute Hall 323 W 103 St. and Riverside Drive (см.: Новое русское слово. 1952. 20 декабря). Текст «Слова о Блоке» неизвестен. В ответ на просьбу Р. Н. Гринберга дать материал для первого номера «Опытов» В. Е. Набокова, по поручению мужа, писала 19 января 1953 г.: «...относительно "материала". В^солодя просит передать, что "Доклад о Блоке" он решил не печатать, т. к., просмотрев его с точки зрения журнальной, пришел к выводу, что не меньше двух недель пришлось бы ухлопать на "облизывание" этого, решительно устного доклада...» (Library of Congress (Washington). Manuscript division. Vozdushnye Puti. Box 2).

³ Я обнимаю Вас,

Ваш В. Набоков

Пожалуйста, сообщите мне дату, как только будете знать ее сами (англ.).

